ВИКТОР БУЛИН

ЗАРНИЦЫ

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

ИЗДАНИЕ АВТОРА
КЛЕВЕЛАНД - ОХАЙО - АМЕРИКА
— 1962 —

ОТ АВТОРА

Можно бы и без авторского предисловия. Но, рассудив некоторые замечания со стороны, я согласился, что, пожалуй, и некоторые мои действия по составлению сборника должны быть как-то оправданными в глазах читателя. Например: Поэму «СОЛДАТЫ» я печатаю вторично. Во-первых, она основательно переделана. И является, по существу, произведением новым. Во-вторых, поэму «СОЛДАТЫ» я считаю своей скромной поправкой к книге «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН» А. Твардовского.

В названной книге Твардовского о солдатской доле, в минувшей войне, — правда есть. *Но, прикасается он к ней, всегда, как прикасаются к горячему утюгу: на палец предварительно плюнув и сразу же его отдёрнув от горячего. Зато, обо всём надуманном — солдату фронта, как правило, недоступном, — рассказывается с добродушной улыбкой, под переборы гармоники, под шутку-прибаутку и припляс. По* правде *только вскользь — наслюнявленным пальцем. А* неправда *разряжена в одежды русской добродетели и простоты необыкновенной. В этакое безразличие к своим собственным унижениям, как человека, к издевательствам над собой.*

Живых свидетелей действительной доли русского солдата очень мало. А скоро и они перемрут. И, перед нашей людской сменой «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН» останется несомненным типом солдата минувшей войны. Читай, улыбайся и завидуй прошлому: — как всё было красиво! И я, повторяю — скромно, протестую. Поэма «СОЛДАТЫ» — настоящая правда. Крупица из миллионов подобных крупиц. Капля из моря таких капель. Закончив свою поэму, я оставляю читателю не улыбку, а... слезу.

Никакой личной неприязни или подобного чувства к поэту Твардовскому я не питаю. Но, ещё к одной его книге: «ЗА ДАЛЬЮ ДАЛЬ» — не лежит у меня душа. И, под впечатлением, не имея возможности сказать лично Твардовскому: — «Ну зачем же так-то ?!» — я откликаюсь стихотворением «СОН ПОД НЕПОГОДУ».

Одно дело — ехать по СССР держа в руках «путёвку» с волшебным свойством — оберегать от всех зол и напастей и разглаживать путь-дорогу. Другое дело — пройтись, просто пройтись, по собственному побуждению, по просторам России. Исполнить своё желание. «Путёвка» —

гарантия! Она надёжнее напутствия — «Ни пуха, ни пера». А я только такую подорожную из «Ни пуха, ни пера» и выдал герою своего стихотворения, отправив его по земле родной. «Уж волокли меня к острогу, да я проснулся — слава Богу».

Стихотворение — открывающее сборник «БЫВАЕТ ЛИ РАДОСТЬ», не является тоном ко всему сборнику. Но и не остаётся в сборнике случайным. В сборник вошли стихотворения написанные в разное время, а не только стихи последнего периода.

Противоречий в сборнике достаточно. И, в этом случае, оправдываться — было бы лукавством. Ведь, этак вот, в противоречиях, Жизнь и пытает душу человека. И душа — ненадуманная человеческая душа — в том и заключается: Мечтает. Надеется. Сомневается. Разочаровывается. Тоскует — и по Родине тоскует, не отвергает это мучительное и прекрасное чувство. Любит. Жить хочет, до страдания хочет жить. Не забывает и о смерти.

В сборнике и фантазии есть. Есть, даже, и шутки. А без этого — как же и жить-то на свете. Стихотворение «В РОЩЕ ОСИНОВОЙ» — тоже фантазия. Однако, фантазия здесь переплетена с судьбой людей, которых и после смерти — фантастически же — не покидает кошмар прежней жизни. Определить это можно бы русским выражением: — «Приснится же такое!»

Стихотворение — «ДИПИЙСКАЯ СКАЗКА», например, написано под впечатлением неудачной, на первых парах, бельгийской акции по открытию «Второй родины» для перемещённых лиц. А прошли годы, за малым исключением, перемещённые лица, кто-где, нашли-таки себе вторую родину. Обжились. Стали гражданами новой страны. И теперь ничто их не пугает. Да и может ли прошлое пугать. А душой оно запомнилось. И всё равно останется там лежать. И плохое, и хорошее. И болеть, даже, может: к ненастью, ко всякой перемене погоды, да и просто так. Печалить может и радовать. А радость бывает. Бывает и сладкой, и горькой.

Включены в сборник и ещё два стихотворения прежде опубликованных. Одно из них — «В ПОДВАЛАХ ЧК» в сборнике «НА ОГОНЕК» было напечатано с искажениями: несколько строк оказались перепутанными. И нужная острота в стихотворении утратилась. Второе стихотворение — «ЦЕНА ВОЛИ» напечатано в сборнике «В ЛЕСАХ ЗАСНЕЖЕННЫХ». Но стихотворение это переделано. И в теперешнем виде является стихотворением новым.

Сборник «ЗАРНИЦЫ» — это мой третий сборник стихотворений в Америке.

1. О ПРОСТОМ

БЫВАЕТ ЛИ РАДОСТЬ

Есть невозможная радость
Большая — большая!

Может и нет... Я придумал
Себя утешая.

Там, где за возом подолгу
Просёлок пылится...

Может и нет. Я придумал.
Опять небылица.

Может и нет, я не спорю, —
Живёт ли такое.
В звании нашем не носят
В петлице левкоя.

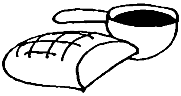
Только, однажды... Послушай!
А ноченькой лунной,
Шел я с соседкою Лушей...
Ах, нет! Я придумал.

Только, без радости как же
И жить-то на свете?

Так, ведь, ничто не разбудит
Тебя на рассвете.

Так, ведь, ничто не задержит
До утренней зорьки! —

Радость бывает! Бывает
И сладкой, и горькой.

24 АВГУСТА

Сегодня — день рожденья моего...
И имя мне ещё не нарекали,
А песни пели. Песни земляков
О море нашем славном, о Байкале.

Любил меня и нянчил Баргузин.
Я гол и бос. Но, долюшка, права ты: —
Коль нет на парус новых парусин,
Кафтан сойдёт за парус дыроватый.

О чём же эта, новая строфа?
Ах, вот о чём! Родные, поглядите!
Меня зовут ни Тит, ни Митрофан,
Мне имя дали: Виктор, (победитель).

На смéх? О, нет. Здесь шутки в стороне.
Мы жили бедно. «Парус» — вся одежда.
И, плача, мама сказывала мне: —
Расти, сынок! Учись, моя надежда!

Уж мамы нет. А с множества трясин
Восстало зло, пожравшее победы.
И сбить с пути не может Баргузин —
К моей судьбине рвущейся торпеды.

САД

По дорожкам сада, шумно, вперегóнки,
Листьев золото — червонцами бежит...
Забавляясь, ветер вьёт из них воронки,
В вихре кружит и по гравию шуршит.

До чего ж прекрасен! Осенью погожей,
В солнце ласковом, с багрянцами у туч, —
Не сгорая пышет, будто заворожен
Силой доброй. Величавый и могуч.

Подошёл октябрь. Безрадостные тучи
Серой моросью окутывают сад.
Богатырь прекрасный делается скучен.
Сказка кончилась под тихий листопад.

ДРУЖНАЯ ВЕСНА

Солнце пригрело уже не на шутку.
Крыши в сосульках. Весь снег побурел.
Где же мальчишка ? Сказал : « На минутку ! »
Это « минутка »?! Простынет пострел.

Любо ему ! Ну, а взрослым не любо,
Словно впервые на всё посмотреть ?
Будто впервой прогуляться у дуба —
Жизнь скоротал где на добрую треть.

Сядем. Посмотрим. Вдохнём благодати.
Слышишь прелюдии птичьих тревог ?

В дымку оделись заречные гати.

Кутька, залаяв, вбежал на порог.

Камнем упал воробьишка у лужи,
С громким — « Чирик !! »
Соблазнился теплом.
Глупый ! Купается !
Глупенький, ну, же !
Вдруг, улетел. Натрясётся потом.

Реки-не-реки бурлят водостокой.
Хочешь домой ? Ну, бреди ! Перелазь !
Лошадь, в упряжке, шагая дорогой —
Чмокает сочно копытами грязь.

СКАЖИ ПЕЧАЛЕЙ ДРУГ

Молю тебя, печалей друг,
Скажи, зачем мои заботы
Приходят — вваливаясь, вдруг,
Без мишуры, без позолоты.

Кричат : — « Давай закон иной ! »
Воздев скрижаль, бегут к Синаю.
То рожи корчут, за спиной,
То, за молитвой, проклинают.

То словно пленных мятый строй.
Глаза иных совсем собачьи, —
Такая преданность, порой.
То уж бесчувственны по-рачьи.

Покровом звёзд расшита высь.
Мы долго смотрим друг на друга,
Не можем будто разойтись
Из заколдованного круга.

Пред ними я плохой орёл.
Юлю, подчас. Краснеют уши.
Едва смущенье поборол,
И по-старушьи закликушил : —

Покайтесь ! Близок час суда !
Создав в душе своей обитель —
Сестру и брата полюбите !
К благословению в стадах.

Учу... Рукой машу... А сам,
Не верю, светик мой, ни капли !
А « овцы » тянутся к глазам
И любопытствуют : — « Да так ли !?

Да есть ли грань от тьмы у света ?
За что карает Страшный Суд ? »
Тогда я библией трясу,
Доиисусова завета.

« Молчи ! — кричат — Молчи ! Дана
Уже судьбе людской другая !
А эта хитрым помогает ! »
Уж соблазнил их Сатана.

Хочу я верить, — правда это.
Едва сдержав ревнивца пыл,
Я книгу Нового завета
Перед неверными раскрыл...

И вижу... Будто ствол ружья,
Всевиду-глаз, рукой надменной,
Взвели учёные « мужья »
Над помертвевшею вселенной .

Пытливый ум проник её...
Ощупал, взвесил каждый камень.
И... Бог не жил, и не живёт
На небесах, за облаками.

И снова шум, и снова спор.
Глаза горят. Бледнеют губы.
Сильней безбожия напор !
Уже сдаются боголюбы.

Скользит нога... Под ней провал!
Провал кругом! Иду над бездной...
Мой Бог! Зачем не миновал
Я очевидности железной?

. .

В окно ко мне пробился свет.
Уходит ночь в последней тени.
И места в радующем нет
Ни для тревог, ни для сомнений

ЧИЖИ

Разгорелось поле маками.
Ишь, раскланялось с тобой.
Выбирай — который лакомей:
Синий? Красный? Голубой?

Не сорвать ли тот — оранжевый?
Что ж ты, пташечка, молчишь?
Для весны запел пораньше бы!

Дрогнул крылышками чиж,
И запел...

Запел детинушка,
Свесив голову в ладонь.
Тяжела ль его кручинушка —
Знают сердце да гармонь.

Да гармонь — меха потёртые.
Сладки только голоса.
Заждались простором гордые,
Нас, сибирские леса.

Эх, леса!..
Идёшь, а ёлочка
Веткой тронет по щеке —
Не дремли!
Летит соколочка.
Быстры струи в ручейке.

Там сосна, что в небо улица, —
Не обхватишь впятером!
Над корою дятел трудится,
Будто тешит топором.

Посмотри на горы снежные!
Солнце?! — сразу за горой!
Там сердца, порой мятежные,
Слишком кроткие, порой.

Я целуюсь с ветром ласковым,
В дымке утренней тиши.
И звенят, за полем маковым,
Песней радостной чижи.

У КАРТИНЫ

Я понимаю волн тревогу, —
Им тесно в берегах.
Я понимаю. Слава Богу, —
В безжалостных руках

Я постонал, как волны эти,
С надрывом и тоской.
Но не ветра́, — хлестали плети
По душеньке людской.

Вот и сейчас, в груди, где больно,
По-дружески, рукой
Ты прикоснись... Поймёшь, невольно,
Приятель дорогой,

Что не утихли в сердце этом
Ни шторм, ни ураган.
И что ему, по всем приметам,
И жизнь не ророга́.

Не многословьем чувства по́лны,
Поэт не романист.
И он страдает...
Бьются волны!
А берег — каменист.

СОН ПОД НЕПОГОДУ

Я задремал у камелька —
Пережидая непогоду.
Ведь, как пурга не велика,
А бушевать ей не по году.

Ишь, подвывает, как щенок...
То у порога, то у ставней.
И суета, и красота в ней.
Всё ей дано и прощено.

А я — неподданный Кремлю —
В полумечту и в полудрёму
Я погружён...
Я подремлю,
И за Фому, и за Ерёму.

Не успокоишься вполне
За человеческие судьбы.
И вот, у дрёмы на волне,
Не укачаться, не уснуть бы.

Под пересвист и перехрап,
И перечмоканье губами, —
Мужиковат и сиволап,
Поковылял я за грибами...

Неторопливо ковылял
Я по извилинам дорожки,
У золотого ковыля, —
Не беззаботный, не сторожкий.

И заблудился, ротозей,
Я в перекрёстках, в перелесках.
И не заметил — перелез как
Я пограничную друзей.

Да собираю в кузовок
И подосиновик, и рыжик,
И белотелый пузанок. —
Не насгибаешься ж до грыжи.

И я иду, и я иду...
И уж запахло кизяками.
И уж портянки на виду.
И ребятёнки — босяками.

И, по-есенински грустя,
Я босоногим ребятёнкам
И раздарил всё, до груздя,
Вочеловеченным опёнкам.

По-молодому, налегке,
Заковылял я веселее.
А уж Москва невдалеке...
И позамешкался в селе я.

Разговорился с земляком.
Он в одежонке — не в обузу.
И подпоясан темляком
По перекошенному пузу.

— Мы не похожи на тетерь!
А Пятилетка — грандиозна!

— Не возражаю... А, серьёзно,
Вы не зависимы теперь:
От производства, от квартиры,
От коллектива, от властей,
От полицейского придиры,
И от непрошенных гостей?...

— А Волгострой!
— А пораженья!
— А Сталинград!
— А Колыма!
— Мы победили ж!
— Униженья?!
— К социализму!
— Голым?!
— А!?

Покипятились мы порядком.
А с Пятилеткой обошли
По приусадебным по грядкам.
И разобрали кошели.

И зашагал я побыстрей.
Да и «Отечества дымы» —
Им неизменно рады мы, —
Уж забродили у ноздрей.

И я иду, и я иду...
Уж не просёлком — по шоссе я.
И вся, почти что, на виду
Необозримая Рассея.

Уж километров отколол
Я с пятьдесят, а то и с триста. —
Ни одного капиталиста.
Социализмы наголо́.

— Эй, землячок! А, землячок!?
Вон та! — ковойная квартера?
— Та, дорогой, — особнячок
Твардовского, миллионера.

— М! М! А энта, познатнее?
— Миллионера Аджубея.
— М! М! А энта, у малины?
— То миллионщицы Галины.
Здесь наголо́ миллионеры:
Та — Анастаса. Та — Никиты.

— М! М! Зажиточны, холеры..
С социализмой... А — поди ты!
Социализма — не изъян...
А ты свою... Вы... назовите!
Не энта ли, покрасовитей,
Что в белокаменных порядках?...

— Мы... из рабочих и крестьян.
Мы... в парусиновых палатках.
— О! О! Выходит, налегке.

И я иду, и я иду...
И уж Москва невдалеке.
И уж пора б и за еду...

Ах, не ребёнок! Погожу
До Хлебосольной.
И попутчик,
Из непристрастных к багажу,
Мне попадается. И лучше.

Ну и беседуем вдвоём.
То погрустим, то посудачим.
То посмеёмся, попоём.
То полюбуемся на дачи.

Всё хорошо! И что за речи?
Мы представляем, без речей, —
Нас ожидающие встречи
У хлебосольных москвичей.

Благословенная земля,
И долгожданная свобода,
И дружелюбие Кремля,
И неподкупный воевода.

Нас у Смоленской у заставы
Остановили...
Неспроста !...
— А ну ! Откуда ? И куда вы ?
Да приготовьте паспорта !

А у меня, а ни шиша !
Да что — кошёлка и душа.
Уж волокли меня к острогу.
Да я проснулся, слава Богу.

Не успокоишься вполне
За человеческие судьбы.
И вот, у дрёмы на волне
Не укачаться б ! Не уснуть **бы** !

О ПРИРОДЕ

Дружен я с пешей
Тропинкой простою,
С зеленью свежей
И с жухлой листвою.

Снегу рад, маю,
И всяким погодам,
Если бываю
Простым пешеходом.

Верю, без риску,
Восходу, закату,
Птенчика писку
И грома раскату.

С жестом расплюя
Не дружен я сроду.
Просто : люблю я
Простую природу.

ПОДРАЖАНИЕ ДЕМОНУ

« Хочу любить. Хочу молиться.
Хочу я веровать добру. » —

Но, как?! Скажите!
Ворон — птица!
Зачем ты рано, поутру,
Всегда летишь на солнце прямо?
Скажи, седая голова!

К живой воде?
О том упрямо
Твердит давнишняя молва.

Найти любви живые воды!
Испить единственный глоток!
А эти дни, а эти годы —
Всё с кровью выхаркнуть в платок

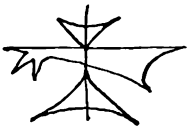
Найти не мёртвый символ веры,
Но с пульсом! Видимый! В руке!
Найти закон библейской меры —
Дошедший к нам в черновике.

Густеют тени... Пахнет бором...
Совсем, как в годы старины.

На солнце прямо, птица — ворон
Летит с восточной стороны.

Пойти б в края былин и ситца,
Увидеть брата и сестру...

« Хочу любить. Хочу молиться.
Хочу я веровать добру. »

О ЧАШЕ ОТМЩЕНИЯ

За землю звенящих берёз,
Тревожный, обиженный, строгий, —
Я чашу отмщения нёс.
И всю расплескал по дороге.

ВАЛЬСЫ

Я в сердце своё кулаками,
Как в двери, пребольно стучу.
Зачем не поёшь ? ! — я кричу.
Зачем не мечтаешь стихами ?

Не время, родное, не время, —
Не выковав рифмою речь,
Как евнух в султанском гареме —
Красавиц другому беречь.

Запой же ! Да пламенней вспыхни —
Любимицам глянув в глаза.
Краса-то какая ! Краса
Откроется с тайною ихней.

Любовь ?!
Не гони и любовь.
Вторую бы молодость взяли...
И, вдруг, я смутился.
И вновь...
Я счастлив ! Вальсирую в зале.

Я в паре с желанной мечтою.
Под вальса хорошую грусть,
« Пошли ! » — я шепнул. Я горжусь
Подругой всегда молодою.

И Лирика в вальсе идёт,
Кружась грациозно и чинно...
И руку на сердце кладёт —
На душу мою !!
Молодчина.

Вселенной простор в потолке.
Я стены раздвинул руками
Мечтаний...
Паркет не паркет,
Трава не трава под ногами.

И вальс я люблю, и тебя —
Оркестр духовых инструментов.
Ты радость рассыпал, трубя,
На много красивых моментов.

Под хохот раскатистых труб,
И нежную песню кларнета, —
Я юбочки чёрной раструб
Запомнил, и зелень берета.

И первой любви красоту,
И первые — этим же летом —
Мечты, поцелуи в саду...
Глаза под зелёным беретом.

Любви ж я не понял — любя.
В ненастные дни у брезентов,
Я счастье скормил голубям,
Кусками нелепых моментов.

И вальсом сменяется вальс.
А радость сменяется грустью.
Командую сердцу « Сдавайсь !! » —
Забредив далёкою Русью.

О чём я, родное ? О чём ?
Ушло ведь ОНО без возврата.
Размыкал себя нипочём.
Ужель наступила расплата ?

Играют « Цыганский барон ».
Цыганский ?!
Пожалуй...
Пожалуй !
В толпе, я, тревожный и шалый
Ушёл из родимых сторон.

А там не заметили, даже.
Никто не окликнул меня, —
Пока я одежды менял,
В своём незавидном пассаже.

О, счастье !
О !..
« Тихо вокруг,
Лишь ветер на сопках рыдает... »

Рыдает ли ? Экий ведь крюк
Судьба обежала седая.

Проснулся заснеженный край.
Запелися новые песни.
Оркестр ! Про тоску не играй !
Про радость надуйся, хоть тресни !

Не нужно про спящих принцесс.
Не нужно про душу и тело.
Сыграй мне... про Братскую ГЭС, —
Про это великое дело.

Я знаю премудрый Байкал.
Пивал я ангарскую воду,
Когда я удачи искал, —
Разведывал счастья погоду.

Ведь я коренной сибиряк,
Крещённый водой Енисея.
Я много хлебнул передряг,
Мечтать о пощаде не смея.

Зачем же играть о былом?
Тревожить несбыточной думой
Себя. Не тебе ль поделом —
Тащиться за песней угрюмой.

Ты знаешь, что правда сурова.
И, даже в родимом дому,
Ты будешь совсем не жало́ван,
Не нужен уже никому.

Не нужен?!
Пожалуй...
Пожалуй!

Зачем же пенять русаку?
Не с кровью же выдавить алой
Из сердца лихую тоску.

Я с детства, от первых шагов,
А может я этого сто́ю, —
Не знаю удач. И таков
Бреду, вот, верста за верстою.

Надежд не питаю давно.
И злые, и добрые лица
Слились в безразличье. Равно
Уча проклинать и молиться.

Ну, будет!
Опять о тоске.
Мотаешься с нею над кручей,
На тонком седом волоске.
Запой!
Да порадуйся, лучше!

«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...» —

Такая на сердце морока!
Попробуй её — одоли.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

Гражданин! Минуточку! О деле
Предъявите паспорт! А сперва...
По земле — в каковском Подотделе
Проходные выданы права
Незаконной личности, как Ваша?!
Согласован Вами с МВД
За границу выезд? И..., папаша... —
Не сидели ль Вы в Улан-Уде?!!

Подожди! — прервал я контролёра.
Не связав меня, не петушись!
По Земле поездить — не афёра,
А сама — действительная жизнь.

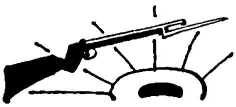
Те ж края, я выменял на эти.
Подобрал по-вкусу, так сказать.
И никто не смеет на планете —
Человеку в этом указать.

А откуда... родом я откуда...
Угадай! Заманчиво, браток?!
Я бродяга! Только не паскуда.
А пока, помалкивай в платок.

До поры — до времени. До мая
На Земле. Помалкивай в кулак —
Ничего на свете не ломая.
Согласись! — бродяга не дурак.

Но, когда проснутся луговины,
Зашумит приветно березняк, —
Я вернусь свободный, неповинный:
Сибиряк, волжанин иль десняк.

Предъявлю и паспорт с проходными.
Но теперь! чтоб мстительный подлец
Не глумился Дома над родными,
Я — никем незнаемый пришлец.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

На душе на моей паршиво.
Вот и в Бога не знаю — верю ли?
Ну, плыви же, моя расшúва!
Не смолили тебя, знать, сéрили.
Прилипают к веслу ладони.
Налипают тревоги, горести...
Раскололась душа в чалдоне
С ядовитых попреков совести:

Почему не бываешь дома?!
Почему на могиле матери
То бурьян, то гниёт солома?!
Эх, вы — доли своей искатели!
По чужой стороне бродяги!
Языку неродному рады ли?
Хороши ли чужие флаги?

Тополиные листья падали...
Холодает ноябрский воздух...

Я ходил по военной Ладоге.
Не рукам, не ногам бы роздых
Я хотел, а душе бы надобен.

Да забудешь ли стоны, всхлипы.
Угадай, вот, — в какой убрóдине,
Под какие полозьев скрипы,
Захлестнула тоска по Родине?

Да и держит тебя поныне.
Не пойму, на душе — что деется.
А, вот, с притчей о блудном сыне —
У меня ничего не клеится.

Я одинок. Я очень одинок.
В своей квартире нáкрепко я скручен.
И раздражает бьющийся звонок,
И свет подшторный солнечных излучин.

Распотрошили душеньку мою.
Потом, втолкнув в расшатанный гробище,
Заколотили гвозди, и поют: —
«Покой раба...» И тащут на кладбúще.

ДУМЫ ТРУДНЫЕ

Поглощенный думами брожу —
Непокорный зрению и слуху...
Но, кивнул летящему стрижу.
Но, смахнул назойливую муху.

Я большими чувствами смущён.
Я решаю трудную задачу:
Прозябать в изгнании ещё?
Иль домой вернуться, наудачу?

Распроститься с хижиной, с мошной,
Распроститься с Форд — автомобилем.
И, гонясь за мнимой тишиной,
И, рискнув, — не встретиться б с насильем

Ты простила, кажется, о «Русь»
И меня за что-то?
Под одними
О таком словами — я стыжусь
Возвратиться. Встретиться с родными.

По-хозяйски, каждый бы изрёк: —
Проходите! Здравствуйте! Мы рады!

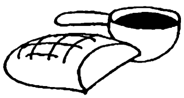
Но случайный, злобный ли намёк,
Но косые бестолочей взгляды,
Для души, искомую тобой,
Тишину дадут ли? Ты уверен?!
Не забьёшь ли сразу же отбой?
Мол: — хочу назад, из СеСеэРин!

Признаюсь, не ведаю о том.
Признаюсь, что плачется, порою.
И, что снятся Родина и дом.
Да прогулки с дочкой, да с сестрою.

И тогда... согласен на любой
И конец. Идти напропалую!!

Я... С рассветом... В дымке голубой..
Палача прощу... И поцелую.

И, сражённый, к вечности Жилью
Отлетая, с временной Тропинки,
Я себя над Русью изолью —
До последней маленькой кровинки.

О МЕЧТЕ

Так облако: проснувшись рано,
Смущённо сбросило чадру,
Зарей умылось, на ветру,
И в небе розовом мечтает..

О чём?
Да знает ли оно!
Судьбы веленьем рождено.
Ему, мечтать ли — невозбранно,
Резвиться ли в перистой стае.
Повсюду юность такова.

Мечтатели!! С пустым-то делом!

И скоро с облачных высот,
От мира призрачных красот,
Мечту сорвут!
Душой и телом
О землю шмякнут!
Для науки:
Натрýдят, выломают руки,
Замкнут, как пленницу, в бараке..

Эх, — скажут люди, — голова!
Узнаешь, где зимуют раки!

Опять один... И снова, как в пустыне:
Ни дома, ни дороги, ни куста.
И сердца — шаг замедлится, остынет.
Судьбу мою проглотит пустота.

Года идут... Неведомое мчится,
Подобное Содому создает.
Ко мне, быть может, завтра постучится
И скажет: — Твой, людинушка, черёд!

Ну, мой так мой! Уж прожито не мало.
А в прожитом — не выращено роз.
Душа томиться, мучиться устала.
И ей не страшен вечности мороз.

НАЕДИНЕ

Осень. Не помню, — которая осень.
Боль подступила в бока.
Лодка лежит на темнеющем плёсе.
Мучает страсть рыбака.

Много ли, мало ль — притронулся к страсти
Каждый. Такие дела.
К чистому, в грешное, в горести, в сласти —
Прямо дорожка вела.

Молодость — имя её. У распутий
Не было красных огней.
Смело впрягали и в праздник, и в будни
Только горячих коней.

Только бы с ветром! Да только бы ночка!
Только бы рядом... ОНА!
В этом и повести главная строчка,
Первая песен струна.

Клятвы в любви. И в святой, и до гроба. —
Веря себе самому.
Даже, мы верили этому оба,
Случаю вверив корму

Жизней своих. А они и не про́сты.
Радостно, с чуточкой слёз,
В трубочку розовой нежной берёсты,
Прятала Маша всерьёз

Клятвы любви. И мечтала... Над нами
Быстро летали стрижи.
Если ты сча́стлив, и сча́стлив не снами, —
Бережно счастье держи.

Время плохое, везде неполадки,
Рядом же с милой душой:
Радость с горчинкой, а горечи сладки.
Годы не елися ржой.

— Свадьбу скромнее... — мечталося Маше. —
Крылья б занять у стрижей...
Песен побольше... Смеяться покраше...
Сделаем больше коржей.

Полночь. Не спится. Я к шорохам — звукам
Чуток в безмолвье ночном.

Видно, опять мы хожденье по мукам
Нынче с душою начнём.

Чистые души и в бури, без вёсел,
Выведет в Небо Река.
Лодка лежит на сверкающем плёсе, —
Мучает страсть рыбака.

« Помнишь ! Такие же светлые ночи,
Лунные ночи, вдвоём...
Помнишь ! Не стало же моченьки — мочи
Вытерпеть, в сердце твоём.
Словно какие-то злые подхлёсты
Сбили с любви красоту.
Страсти ?! »

И трубочка нежной берёсты,
Смятой, осталась в саду.

Помню я ! Помню...

« Скажи, не скрывая, —
Плакала Маша потом ? »

Давние годы, а рана живая
Душу сечёт, как жгутом.

« Видишь ! Разрушил мечтания Маши.
Свадьба была ли, скажи ?..
Тоже молчанье !
О, немощи наши !
Делались к свадьбе коржи ? »

Ночь по углам многолико прижалась...
Тени сильны́ тишиной.
Сжальтесь же ! Сжальтесь !
Вы ску́пы на жалость...
С прошлым — давно решено.

Видно, пришлось не по силушкам Маше.
Рея у самой души —
Память жестокая крыльями машет...
Хочет меня удушить.

Всякой бывает людская разлука.
Только — желанной, редка.

Внешне, порой: ни упрёков, ни звука,
Даже не дрогнет рука.

В сердце ж вглядись, человек, человеку!
Это не там — за рекой!
Это не пешим паломником в Мекку!
Сердце, — оно под рукой.

Многое синью подглазиц отмечено.
Горечи складкой у губ.
Сразу заметишь. И дрогнешь, конечно,
Если ТЫ сердцем не груб.

Мокрый платок полотняный, хоть выжми.
Первый ли этак-то взмок.
Слёзы катилися искрами рыжими...
Руки на шее, взамок.

Помню...

«Ты помнишь. И чувствуешь, может, —
С времени счистив корьё,
Маша страдала! Храни её, Боже!
Ты! — не покинул её?»

Ноченька — ночка! Ни сна, ни покою.
Сбился я где-то, в глуши.
Долго ль блуждать мне раздумий тайгою?
Страшно! Нигде, ни души.

Путают тени, — шарахаясь молча.
Снова огни у ольхи.
Духи ли это? Побежка ли волчья?
Или... Судьба... За грехи.

Осень. Не помню — которая осень.
Боль подступила в бока.
Снова не жить... Не встречаться у сосен
С Машей. Она далека.

«Видишь, несчастный. Ошибки, пустоты
В жизни. Испорчена жизнь.»

Кто ты? Меня-то распытывать! Кто ты?!
Поздно! Уйди! Не вяжись!
«Гонишь меня!
А не станешь ли плакать —

Худшую выбрав беду.
Горе своё променявши на слякоть.»

Кто ты, зловещий веду́н ?!
Кто ты ? Зачем растравляешь мне раны ?
Боль не твоя, а моя !
Шутки твои и жестоки, и странны...

Этак, у сердца, змея
Стала б шутить, замедляя укусы,
Медленней сцеживать яд,
Вперив глаза — неподвижные бусы —
В мой заколдованный взгляд.

Кто ты ? Оставь непрощённую душу.
Трудно её погубить.
Кто ты ? Скажи ! Я готов ! Я не трушу —
В этом вину искупить.

« В этом ли дело ? Нужно ль искупленье,
Если оно без души.
Если мы, — даже в минуты моленья —
Только к себе хороши.

Много прекрасного в жизни случалось
С каждым. — Суди по себе.
Только, ты понял, что в этом не шалость,
Понял — когда поседел.

Часто в тебе я тревогой звучала.
Может, с младенческих снов.
Вместе с тобою иду от Начала,
С первых сознательных слов.

Разве ж я брошу тебя в непогоды.
Вместе давай отвечать.
В годы любви и в недобрые годы, —
Нашей признаем печать.

Словом добра — Я тебя наставляла.
Песней отечества — Я.
В этих трудах, что взошло, что увяло, —
Наше ! Я — совесть твоя.»

Осень. Не помню — которая осень.
Боль подступила в бока.
Лодка лежит не светлеющем плёсе.
Мучает страсть рыбака.

Нежная зорька зажглась на востоке.
Тихо коснулась воды.
Ленты свои отразила в протоке,
Синюю розу фаты.

Вспыхнула звонкая песенка в лодке,
Сразу взме́тнув в облака.
Парень поёт о красивой молодке,
Ждущей к себе рыбака.

Порою, Вы бывали некрасивы.
Зато, порою, дивно хороши.
К плечам спадали локонов извивы.
Сливала юбка с бёдер крепдешин.

Улыбки наши встретились нежданно.
С тех пор ношу я сладостный ожог
В груди своей. А ночью, у каштана,
Впервые в жизни стало хорошо.

Я помню парк, чугунную калитку.
В невинной клятве — пальчики на лбу...
О, да! Любовь похожа на молитву.
И я принес Вам нежную мольбу.

Мечты — мечты, с открытыми глазами.
Желанный бред. Я слышу голоса..
Я полон весь родными голосами.
Мой бедный жребий дрогнул на весах.

ИСКАТЕЛЯМ БЕССМЕРТИЯ

Живому — надобен предел.
А в смерти — справедливая награда.
И детской по́росли удел
Не трогайте для глупого парада.

Бесцельны — споры до вражды.
Бессмертные останутся в граните.
Не жизнь продляйте без нужды,
А молодость — до смерти — сохраните.

О ПРОСТОМ

За границей, равно́, и в отчизне,
В клочья душу издрав о шипы,
Я не многое вызнал у жизни
В чувствах добрых. А правда шипит: —

У медведя в сжимающих лапах
Поздно, милый, ружьё заряжать.
Воронье коль слетелось на запах —
Трудно, значит, судьбы избежать.

Зачем мечтать? Не сбудутся мечты.
Зачем касаться незажившей раны?

Когда, весной, в цветущие кусты
Впорхнут семьёй красивые жуланы,
Когда мечты так сладки и желанны, —
Зачем мечтать? Не сбудутся мечты.

Огонь своих надежд похорони,
Которым, прежде, за здоровье пили.

Теперь, вокруг, ни друга, ни родни.
Тебя людскою чёрствостью избили,
Пришлец с большой заснеженной Сибири.
Оставь мечты. Не сбудутся они.

О, дайте, люди добрые, ответ!
Ужель, с присягою атомной бомбе,
Сошёлся клином вытоптанный свет?
Спасенья нет и в адской катакомбе?

И рявкнул взрыв: — «Людинушка, запомни!
Забудь мечты!!»
Единственный ответ.

От людей уйти. Уж очень много
Суеты. Толкучку и галдёж
Позабыть. Пустите, ради Бога!
Я уйду..

Земляк! Куда идёшь?

Поклянись ! Уйдя — стерпеть разлуку,
Полюбить безмолвственную стынь,
Позабыть людские страсть и муку,
Полумрак с измятостью простынь.

Обещай забыть друзей ! В хламиды
Нелюдимства сердце затерять.
Обещай простить врагам обиды !
И судьбу ничем не укорять.

И иди ! Замри душой и телом !
Превратись в ненужный пустоцвет.
Уходи ! — избрав своим уделом,
До конца, ни сумрак, ни рассвет.

Не кляни ! Зачем слова такие ?
Я по сердца — компасу иду.
Я несу в душе мечты благие.
Я ищу иную суету.

Я хочу встречать людей понятных.
Не такой затеять разговор,
Что : — И солнце тоже, братец, в пятнах !
И открыт в беспутство семафор.

Я хочу иметь такие встречи,
Угодить чтоб сердцу и ушам.
И велись они бы — наши речи —
По душам, ты знаешь, по душам !

И пускай тогда и шум, и грохот
Наступают, ширятся вокруг !
Вот тогда — с людьми пожить неплохо.
Завести приятелей, подруг.

Я скажу тебе : моё Сегодня —
Не видать его бы, не слыхать —
И юлит, и жалит будто сводня.
Доведет любого до греха.

Сгорело всё в одной минуте.
О, жребий, ты со мной жесток !
Я вновь стою на перепутье.
Стою, как прежде, одинок.

ДИПИЙСКАЯ СКАЗКА

(шутя)

Распригожею являлася она.
Говорила — песен задушевней.
Ореолом новизны окружена —
Соблазняла в беженской харчевне.

Убедила : — Человек , мол, — Человек !!
Неотъемно право Человека !
И крещёный, и с толмудом, и в чалме, —
Вы в раю ! Отныне и до века.

Приласкалась у измученной души.
И дипи контракты подписали.
Променяли скудные гроши
На деньжата сладкие... на сале.

И тогда, в транзитных лагерях,
Кандидатов в райщину раздели :
Кто, подсчитывая, зубы проверял,
Кто приметы, крапинки на теле.

Заставляли нагибаться, присядать.
Заглянули спереди и сзади...
Человеку не житьё, а благодать —
Угодив в проворности и стати.

И дипишек, осмотрев, перевели
В единицы мускульных запасов.
И по раю повезли и повели,
Как водили, прежде, папуасов.

Через фармы, через шахты, рудники,
Провели чужого человека.
Приходилося, с руки и не с руки,
Привыкать — отныне и до века.

А скрутили и контракную беду,
Становясь сильнее и упорней.
Отуземились буквально на виду.
И пустили жизненные корни.

До Америки, от самых Филиппин,
Обогнавши, кажется, туземцев —
Народили же вы : бывшие дипи,
Северян, южан, и, даже, немцев.

2. ЖАРКИ

СМУЩЕНЬЕ

На меня Вы смотрите украдкой.
И... о, Боже ! Я смущён.
И волнующей догадкой,
И желаньем — нравиться ещё.

О, смотрите, девушка ! — шепчу я.
Уж нескладный я такой.
Мне была изменчивая Чуя
И любимой, и рекой.

Я дарил ей молодость и ласки
В золотые вечера,
Под пленительные пляски,
Что зарничка первой начала.

О, смотрите, девушка, смотрите !
Я подслушал у ночей,
Что прелестны девушки в Мадриде.
И целуют горячей.

Вот опять взглянули Вы украдкой.
Ну, конечно ! Я смущён.
И волнующей догадкой,
И желаньем — нравиться ещё.

Я ЖДАЛ ВАС

Я ждал Вас.
Долго ждал.
Всё приготовил.
Во всё вложил души частицу.

На небе вспыхнула звезда.
Звончей в груди удары крови.
Я ждал, как ждут свою царицу.

Страдал я.
Так страдал
В час ожиданья.
Внимал тревожно звукам извне.
Боялся ревности стыда.
И лжи боясь — искал свиданья.
Ведь я любил впервые в жизни.

И что же.
Ночь прошла...
Ночь размышлений.
И стало пусто в сердце юном.
В изгибах мёртвого узла
Сплелось загадкой зло сомнений...
Брела душа по вязким дюнам.

Однажды,
Был четверг,
Был письмоносец.
Писали Вы — «Приди, хороший!..»
И, Боже, сколько околесиц
В строках письма вели в пустоши...
Я всё прочёл.
И всё отверг.

Любил я.
Так любил! —
Вас отвергая.
Я сам себя обрёк на пытку.
Прости, как прежде, — дорогая!
Когда разрыв у чувств в глуби —
Срастить нельзя такую нитку.

Л. В.

Ландыши, ландыши, белые ландыши...
Милая нежно поёт.
В сердце, хранятся где юности вкладыши,
В сердце´ стучится моё.

Помнишь ! — стоял под вечерними зорями
Лес, золотистей парчи.
Солнце, что прячась за синими взгорьями,
В небо вонзало лучи.

Помнишь !? И сердце покорно видению :
Музыка... Вальсы... Паркет..
Помнишь, я внёс к твоему пробуждению
Ландышей белых букет ?

Росы ли, слёзы ль в жемчужины скатаны,
Вместе ссыпай в кошели.
Помнишь ! — в поселок со спящими хатами
За руки взявшись вошли.

Ландыши, ландыши, белые ландыши...
Милая часто поёт.
В сердце, хранятся где юности вкладыши,
Просится в сердце моё.

ДЕТВОРА

Пробудилася Земля,
Всеблагого умоля
О конце глубокой ночи : —
Сотвори её короче !
Уведи за тополя !

И у каждого двора,
Появилась детвора.
Появилась тихо, чинно...
А потом !!! Тому причина —
Беспокойная пора.

Ни судьбе и ни рублю
Непокорных — я люблю.
Мне мила чужая младость,
Мне мила чужая радость,
А любя — я и терплю.

БЕСПОКОЙНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Шляпа ты, парень, не ухарь!
Проворонил девчонку.
Этакую к сердцу не прижал!
Девка тебе не старуха:
И в цветную юбчонку
Вырядилась — к блузочке с рыжа.

С зеркалом долго шепталась,
В золотистую косу
Ленту выбирая понежней.
Значит, в весеннюю талость —
Полюбилось без спросу,
Молодо! Поссоримся ли с ней?

Девушка в этом наряде,
Для тебя хорошея,
Грезила о встрече — поскорей...
Только любимого ради,
Непокрытая шея
В бусах из красивых янтарей.

Увалень, парень, ты право.
Не сдружился с девахой.
Слова, провожая, не сказал!
Струсил пред девушкой, Савва!
Ну, и охай, и ахай! —
Сжалится ли девица — краса.

Девушка в крепкой обиде.
И нарядам не рада.
Гордость пробудил в ней паренёк.
Встретит, и скажет: — Простите!
Провожатых не надо...
В сторону головку повернёт.

Экий ты, парень, разиня!
Ведь и ласку, и сказку
Любит, как и каждая, она —
Фроса твоя, Евфросинья.
И на сказку, и ласку
Девушкам и молодость дана.

ПЕРВОЙ АВТОМАШИНЕ

И нежная зелень весны,
И осени зелень густая.
Гуляй! — не жалея казны.
Не плачь, что копилка пустая.

Отсчитывай мили сама!
А я, вот, поглажу баранку...
Меня ты сводила с ума,
И взял я тебя — иностранку.

«Надменно» включаю мотор,
И скорость даю спидометру...
Я мчусь на широкий простор!
Навстречу свистящему ветру.

Я, может, и зря загрустил,
Себя добиваю гулянкой.
И «что-то» в стремленье спасти —
Тебя называю — Полянкой.

Подруженька, ходу наддай!
Прорви завывания волчьи.
А, знаешь, над речкой Валдай,
Что песня звучал колокольчик.

Подруженька, ходу ещё!
Колёсами вымотай душу.
А помнишь, любя горячо,
Катали мы девушку Лушу.

За Лушу — невесту — жену,
За алые ленты по ветру, —
Я жму, недозволенно жму
Тревогу свою к спидометру.

ПАУК

Этот труженик степенный,
Потолок пройдя и стены,
С паутинной серебриной,
Разместившись за картиной, —
Ко всему на свете глух.
Потому, что ловит мух.

СВОЕ ЗОЛОТОЕ

В квартире, случайно, остались мы двое.
« Скажите ! Нашли ли своё золотое
Вы с юностью Вашей ? »
Гляжу на молодку,
Припомнить стараюсь такую находку...

Сказала : — « Найдёте !.. На столике ужин
И... ночи спокойной ! »
Ушла.
Я сконфужен.

Поел, не поел ли... На кухне, в столовой
Огни погасил. И задумался снова...
Своё золотое... Какое такое ?
Сказала... А парень лишился покоя.

Спросить ?! Ведь не спит...
Шевельнулась... Вздохнула...
Рука показалась над спинкою стула.

Вы спите ?..
« Не сплю. Беспокоит простуда.
Взгляните, прикрыты ли двери оттуда ?.. »

Иду... Не дышу... Осторожнее тати.
И, вдруг ! — поцелуи на женской кровати.

« Смотрите ! »
Я вздрогнул. А рядом с лежащей,
Пушистый котёнок глазёнки таращил.
Котёнок пушистый... Котёнок премилый...

Познал я тогда, как лишаются силы
Рассудка, склоняясь к пахучим постелям.
И сладостью бабьей прошибло, как хмелем.

Мы спали, не спали... котёнка ласкали.
А утром, когда зарумянились дали,
Взбродившее пили вино молодое.
И жарко ласкал я « своё золотое ».

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

О чувствах всего не расскажешь словами, —
Какая б не слышалась речь.

Хочу я, как ангел хранитель над Вами,
Любить Вас. И нежно беречь.

Мечтая, вплетал я в мелодии Баха
Волос шелковистую прядь...
Я буду, как преданный воин, без страха
За Вас перед всеми стоять.

Я песни пою. И мир божий мне тесен!
Так жаждет поэта душа: —
Когда-нибудь, чтобы одна хоть из песен
До Вашего сердца дошла.

МАЯ И ЛОЖНЫЙ ЛУЧ

Неласковая осень.
В тучах небеса.
Что летом и сбылося,
Девица — краса, —

Уже не повторится.
Выгасли огни.
И летнее, девица,
Лучше зачеркни.

Последняя с каштана
Падает листва.
Негаданно — нежданно,
Просто с баловства, —

Вдруг, выглянуло солнце!
Ласковым лучом
К красавице в оконце
Бьётся горячо.

Поверила девица,
Выбежала в сад —
С дружком повеселиться,
Жадным до услад.

Бежала садом Мая,
Милого звала...
Но, туча снеговая
Луч оборвала.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Будто, в день именинный
Я гостей принимаю.
Всем душевно внимаю...
Сколько всяких подарков!
Сласти, розы, обновы.
Не грусти, веселись, именинник!
Напевай и шути.

Сердце ж по́лно кручины.
Или солнце не ярко
Светит с неба. Не знаю...
Может гости суровы.
Может Вы... Далеко Вы.
Шелестящий склонился осинник —
Преграждая пути.

Лучше всякой обновы,
Раньше всех постучала,
Краше всех привечала,
Утра первая зорька.
Эта — нежная ласка,
Что улыбкою Вашей, любимой,
Улыбнулася мне.

Рвется сердце с причала.
Бьётся — к счастью ли, только.
К счастью страстные зовы
Льются песней незримой.
Счастье — милая сказка,
С гребешком в волосах бирюзовым,
На зелёной волне.

Вслед за зорькой румяной,
Вея снегом Сибири,
Вея снежные блёстки,
В нитках чудных алмазов,
Мимо дремлющих вязов,
Без дорог и заветных тропинок,
Ветерок прибежал.

Ветер буйный и хлёсткий.
Пахнет ветер поляной,
Влажным запахом лилий
Наших вольных Починок.

Встретив, первой же фразой,
О голубке моей сероглазой,
О любимой сказал.

В этот день именинный,
Горы, лес и долины,
С ва́ми — лозочкой гибкой —
Песней дивной звучали.
С Вами снова и снова —
Уносила нас Белая стая
На любви острова.

Там меня привечали
Вашей нежной улыбкой,
Вашим ласковым словом.
Мною страстно любимый,
Образ милой слагая:
Рокотал ручеёчек у рва...
Шелестела трава.

Она была весны нежней,
И мило бредила апрелем.
Пока знакомился я с ней,
Цветок сдружился с первым шмелем.

Потом, в моленной соловья,
Когда часы любви быстрели,
Шепнула милая моя —
«Любо́вь ищи всегда в апреле!»

Сама грозит — «Молчи, молчи!
В соловьей страсти, и в томленьях,
В греховных чувствах, и в прощеньях —
Найдёшь к судьбе своей ключи.»

В саду весна. Цветенье слив
Раскрыло пышные палатки.
Под ними, страсти утолив,
Познал я вечер самый сладкий.

И долго помню, — не решив
Загадку соловьиной трели —
Я шёпот девицы души,
«Любовь ищи всегда в апреле!»

ОСЕННИЕ ДОРОГИ

Осенние дороги.
Частые дожди.
В неясные тревоги
Связан я почти.

Смириться неохочи
Медленные ночи.
И радости короче
День за днём.

Я знаю, понимаю —
Новая весна
Раскланяется Маю,
Юна и красна́.

Услышим над долиной
Говор журавлиный,
Прольётся он в калины
Прямо с туч.

С такими ли вестями
В грозы и дожди!
Такими ли струя́ми —
Хлынет! подожди,

На пашни, на поляны
Запахом медвяным
И радостным, и пьяным
Жизнь Весны.

Но... не весна, пока.
Скрылась в туман река.
Не зазвенит струя.
Напрасна мечта моя.

И тяжелы они —
Тучи, и эти дни.
И не пробьётся луч
На землю из этих туч.

Дороги, вы, дороги,
Множеством путей
И круты вы, и строги
К немощам людей.

Смириться неохочи
Медленные ночи.

И радости короче
День за днём.

И всё-таки, меж нами, —
Весна не за горами.
С апрельскими ветрами —
Жди! Придёт!

МЕЧТАТЕЛЬ И ГОРОШНИЦА

Я люблю поесть горошницу.
Сверху б — греночки ковром.
Заплачу охотно трёшницу. —
Съели б с миску вчетвером.

А сварю! Пока — немножечко.
К делу, повар — поварок!
Помогай, подруга ложечка,
Вымыть, выварить горох.

Обучась голодной этике,
Граммов с двести, говорю,
Я сберёг в одном пакетике
Этих штучек... А сварю!

Доконаю чувство голода.
Сразу станет веселей.
Прогуляюсь, этак — молодо,
Главной улицей в селе.

На Плетнях — такая улица,
Ходят Марфы — семеня.
Хорошо! Пускай любуются
Видом молодца — меня.

Об иной теперь политике
Судит — рядит молодёжь.
И Марфутки скажут : — « **Сытенький!**
Разве с этим пропадёшь. »

И начнут вокруг похаживать...
« Вечер дивный, мол, какой! »
А глазами съели б заживо.
Манят пальчиком, рукой.

— Дорогой! Моё почтение!
— Рада случаю, видать!
— Да зайди!?

— Вина ?...
— Печения ??
Ласки, взгляды... Благодать !

А сварю ! Водица в чайнике —
Скоро...
Скоро...
Кипяток !
Засыпай ! Держись, начальники !
Граммов с двести, не пяток !

Расчихался ж !... Ладно б к прибыли !
Стой, несчастный сирота !
От гороха !
Кто б вы ни были —
Сжальтесь !..
Плесень... Чернота...

В черноте, с боками вмятыми,
Вроссыпь плавая, скользит
По воде горох утятами...
Граммов с двести ! Паразит !

Не поможет даже трёшница.
Сделать, разве, тарарам !
Пропадай, моя горошница !!
Двести выброшенных грамм.

Эх, Плетни — родная улица !
Даром гибнет красота...
Ничего теперь не сбудется.
В сердце ж... — в брюхе пустота.

И Плетни, и Марфы брошены.
Голод... Разве до ходьбы, —
От судьбы моей горошенной.
Злой безжалостной судьбы.

РОЗЕ О РОЗАХ

В парке Вашем — всё ещё розы цветут.
В этом парке зелёном, у роз на виду.
Сердца нежного я различил красоту. —
Не грустите ж, пока эти розы в цвету.

ЖАРКИ

Огоньки... Огоньки...
Золотые жаркú !
Коснись их мечтой, не руками.
Молодые деньки
Оказались жарки —
На нашенском поле с жарками.

По утрам, по росе,
По траве — мураве,
На этом, на полюшке — поле,
В настоящей красе,
« С ветерком в голове »,
Гуляет девчонка, не боле.

Напевает она.
И гибка, что лоза.
И парня прохожего, рядом,
Соблазнил Сатана —
Заглянуть ей в глаза...
И охнул простреленный взглядом
Паренёк молодой,
Паренёк неплохой.

Смешались пути и дороги.
От тропы золотой,
Иль беды ли лихой —
Не сдвинет пристывшие ноги.

Ах, гуляй, Красота !
Ах, позволь пареньку
Тобой любоваться подóле.
Паренёк неспроста,
И впервой на веку —
Задумался даже о доле.

Уходить не спеши !
Наберу я жарков
Тебе... Посидим на поляне ?!
Выбирай ! Хороши ? —
Что отрезы шелков !
Которые лучше, желанней ?

Засмеялась в ответ.
Да плечом повела.
Потом закружилася в танце...
И ни да — и ни нет !

Разбери их дела
Молчания, вздохи, румянцы.

Опалит ли огнём,
Захлестнёт ли волной,
Полюбит... Обманет... Покинет ?
Непокорным конём
По дороге шальной —
В бурьян занесёт ! Опрокинет !

Молодое вовек
Не рассудишь умом.
Прикинь на сердечную мерку.
И судьбу, человек,
Не забудь за трюмо !
И книгой не ставь в этажерку !

Не суди о воде,
На поверхность её
Взглянув без души, мимоходом.
В затаённой беде —
Наказанье твоё.
Дорога твоя по невзгодам.

Увлекаясь игрой,
Не бросай повода !
Держи их возможно короче !
И под снегом, порой,
Ледяная вода
Кипенью подобна — клокочет.

Но и робким в боях
Не добиться удач.
Скрипеть до конца недотёпой.
В тесноте, на паях,
Как студент — бородач.
Молчи ! Что дают — то и лопай !

Я Сибири сродни,
Холодов не боюсь.
Сюда я пришёл не из келий.
А холодный родник
И найду, и напьюсь !
Да чтобы аж зубы скрипели !

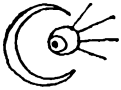
Не суди, не ряди
По себе ! Не хвались,
Своё расточив, без поруки,
Далеко позади.

Доживай и молись.
А юным не делай докуки.

Свечерело. Закат
Пламенеет в жарках.
Сказать вам... Сказать, по секрету?
Да... Мальчишка богат!
Он несёт на руках
Девчонку хорошую эту.

Он крепыш. Он грудаст!
Не осилить его.
Сказал: — «Я с любым потолкую!»
Никому не отдаст!
Не возьмёт ничего
Теперь за находку такую.

И воркует она...
Он от радости пьян.
Ей молится словно богине.
Эй! Люби допьяна́!
Красота не бурьян.
Сумеешь любить — не покинет.

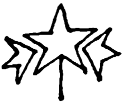

Непонятны чувства наши.
Не во всём любовь сладка.

Коль по-русски девка пляшет
Разворот, и взмах платка —
Говорят, без слов, о чувствах.
«Полюби!» — зовут без слов.
Не поймёшь сего искусства,
И плясунья глянет зло!

Удивлённо дрогнут плечи.
Затемнеют искры глаз...
И рассыплет чёт и нечет
Гармонист, под новый пляс.

Заливаясь звонко — звонко!
Загрустит припевка с ней.
Не грусти! Найдёшь, девчонка,
Плясуна среди парней.

Мы катили и катили...
Не в мечтаньях, не во сне, —
На своём автомобиле,
По октябрьской желтизне.

По дороженьке осенней,
Да по россыпям листвы. —
« Ах, вы, сени мои сени »
От Манчжур и до Литвы.

По Америке мы едем,
Заповедной полосой.
Повстречалися с медведем,
И с оленем, и с козой.

А берёзы ! — мы узнали
От играющих лисят —
На осеннем карнавале
Яркоцветами форсят !

Так, катили мы катили
Не в мечтаньях, не во сне,
На своём автомобиле,
По октябрьской желтизне.

ПРОСТИ МЕНЯ

Тебе одной — любимой Тоне
Отдать и жизнь, и лучший стих.
А если смерть, — в последнем стоне,
Одной тебе шепнуть — прости.

Что был сентябрь, не будет речи,
Что полдень небо голубил.
Прости меня ! Но, с первой встречи,
Тебя я нежно полюбил.

Знавал я горный путь к Алтаю.
Я слушал жизнь в его груди.
Прости меня ! Я так страдаю !
К любимой сердцу нет пути.

Любить тебя, дышать тобою,
И греться лаской — не посметь.
Прости меня с такой судьбою.
Я, жизнь любя, — иду на смерть.

В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ

Прощаясь, шелестят
Печалные берёзы...
Прощаются со днями
Ласковой поры.

И листик за листком
Всё падают, как слёзы
В притихшую траву,
В поблекшие ковры.

Но, роща хороша !
Замешкался недаром
Разборчивый сентябрь
Над женственной красой.

О, роща хороша !
И бронзовым загаром,
И севшею на грудь
Последней стрекозой.

Не плачьте же мои,
Красавицы берёзы.
Не смерть вас стережёт,
Задремлите едва :

Подкрадутся дожди апрельские
И грозы.
И снова зашумит
Зелёная листва.

ЭЙ ЦЕЛОВАЛЬНИК

Эй, целовальник ! Чего б позабористей !
Или тебя мы ругнём !
Эх, погорели б постылые горести —
Пьяным зелёным огнём.

На ! Козыряем последней полтиною !
Сдачи не нужно... « родной ! »
Ты подружил нас с кабацкою тиною...
Выпьем ещё по одной !

Ха !.. А умрёшь ! Не спасут окаянные
Эти твои барыши.
О, не сердися... Немножечко пьяные
Люди — всегда хороши.

Л. В.

Люблю я парк прохладою объятый.
Люблю обресть в пустых аллеях грусть.
Ходить, мечтая... Вспомнить запах мяты.
Читать стихи, без книги, наизусть.

Найти цветок любимою любимый.
Прикрыв глаза, его прижать к губам...
Открыть цветку души своей глубины,
Войдя под тень к разлапчатым дубам.

Отяжелел поэт мечтой,
И голос утомлённо стих.
Не возмутит тебя ничто.
Не радует чеканный стих.

Но, нестерпимый жар в груди,
Пока, не пережёг страстей.
Ты не сказал — уйди ! уйди !
Любимице из всех гостей.

Да отвечать — нашёл нужней —
Вопросом на её вопрос.
Да полюбил ещё сильней
Льняные завитки волос.

Покрылись снегом рощи и поляны.
Укутан сад в сверкающий покров.
И льдинок хруст похож на хруст стеклянный
Пастух не гонит медленных коров.

Зима — зима ! Горжусь тобой, чистюха !
Пусть первый снег мостится на виски.
Мороз, любя, покусывает ухо.
И грянул пост для птичьей мелюзги.

Но я припас приятелям гречихи.
Живал, друзья, на птичьих-то правах.
Припас кочан капусты для зайчихи.
Знаком, знаком дипишкам зайцев страх.

МАШЕНЬКА

Есть ли кто краше
Машеньки нашей —
Девушки с русой косой.

Маша — без точек —
Словно цветочек
Утром, умытый росой.

Если угарней
Глянут на парня
Серые эти глаза.

Скажем, без лишку, —
Жалко парнишку.
Сгубит его егоза.

Экая убыль!
Парень не рубль.
Парня б лозой! да лозой!

Хочет он встретить
Машу, приветить, —
Пусть не гуляет босой.

ШУТКА

Нам двери не при чём.
Летим мы калачом,
Ударившись плечом, —
Свой прах домой влачём.

Но, утром — спать пора.
Начнем по-новой с полдня.
Сегодня, как вчера.
А завтра, как сегодня.

Больной параличом,
Шинкарь гремит ключом,
И водка бьёт ключом. —
Нам деньги нипочём.

Но, утром — спать пора.
Начнем по-новой с полдня.
Сегодня, как вчера.
А завтра, как сегодня.

Мир вертится мячом,
Болтаясь ни на чём,
И каркает грачом,
А мы его толчём.

Но, утром — спать пора.
Начнём по-новой с полдня.
Сегодня, как вчера.
А завтра, как сегодня.

О, правды нет ни в чём !
И жизнь мы припечём
Атомным кирпичом,
С космическим лучом.

Эх, дикая пора !
Стремись прожить до полдня.
Ты выпил, друг, вчера !
Смотри, не пей сегодня.

ШУТКА

Женщина — забава, самая пустая.
Женщины совсем не хороши.
Женщина — загадка самая простая.
А никто загадку не решил.

Если побеждают гордые мужчины,
Пленницу прелестную беря,
Часто не заметят к мерзостям причины —
Прошмыгнувшей скользкостью угря.

Ангелу подобна нежная подруга.
Ангел и на свадебной черте.
« Горько ! » прокричали. « Горько ! » и супруга
Уж подобна тысяче чертей.

Это лишь начало. Первые цветочки.
Ягодки, конечно, впереди...
Мучайся, мужчина ! Выбейся до точки !
А свою свободу береги.

ДОГУЛЯЛИСЬ

Погодушкой снежной,
Как девушка нежной,
Идём мы дорогой села...
С мечтою безбрежной.
С душой безмятежной, —
Любовь хороша, весела.

Гуляли мы с Анной
Дороженькой санной,
Тогда, до утра, до бела.
И радостной самой,
Красивою самой,
Нам каждая ласка была.

Гуляли и летом.
От ночки — дуплетом
До следущей ночки с Луной.
За звёздами следом,
С гармонью и пледом,
Беспутно — любви целиной.

Скажи ты! Нежданно!
И поздно, и рано,
Идти от двора до двора —
Смущается Анна...
И выглядит странно...
Пожалуй, жениться пора.

В АЛЬБОМ

О чем писать тоскующей девице?
Нужны ль стихи в которых чувства нет?
Стихи, в которых сладкая водица
Любви — покрыта пылью многих лет.

Я знаю, ждёт восторженная юность
Иной ответ, не рифмы слог сухой. —
Свиданья трепет! Этакую лунность!
И близость губ. И блуд — его рукой.

Недолог мир любви и наслаждений.
Увянет он — не ведая преград.
Оставит нам свои миражи, тени,
Оставит боль — ценой напрасных трат.

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

Обвиняйте, пожалуй, меня
В русолюбии, даже в пристрастии. —
А в Руси по-другому звенят
Журавли и малиновки... Страстнее!

Я на собственных Землю прошёл.
По-приятельски спорил с морозами.
Эх!.. Любить и грустить хорошо,
И дружить закадычно с берёзами.

Я о многих державах молчок, —
Не давайте на это согласия.
У кого государство — клочок!
А в России Европа и Азия.

И о девушках тоже скажу.
Хороши и по виду, и скромные.
Красота с чистотою — в ажур.
Растабары не любят « скоромные ».

Говорит, что журчит ручеёк.
А улыбка, что солнце, лучистая.
А достоинство девичье чьё —
Как не русское — нравственно чистое.

Я совсем не питаю вражды
Ни к кому. Ну, а зависть — охальница!
Я порочить других без нужды
Не хочу. Не хочу и бахвалиться.

Не служу я словами рублю.
Я хвалю... выручай же, Печальница! —
Потому, что, поймите, люблю!
А любовь и в обидах прощается.

ШУТКА

Чтобы быть счастливым мужем,
Капитал совсем не нужен.
Будь с соседом только дружен,
Приглашай его на ужин,
Сам уйди — пока не нужен.

3. СТАЛИНИАДА

СЛОВО К СТИХАМ

Повинуюсь вдохновенью —
Создавать стихи. С условьем:
И ко сну, и к пробужденью
Будьте нежным изголовьем.

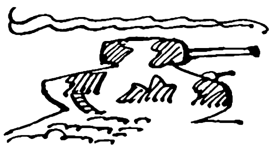
И от облак, и от тучи,
Красотою чувств волнуя,
Воплотясь из благозвучий,
Хором пойте — « Аллилуйя! »

Но, я Богом заклинаю!
Не впадайте в глас елейный.
Под скрижалями Синая —
Шаг, до ханжеских молений.

Непокорствуйте насилью!
Сохраните в русских книгах
Нержавеющею былью —
Жизнь страдалицу в веригах.

А кусающих и злющих,
Подоткнув за пояс фалды,
Обязуетесь — расплющить!
С силой ма́стерской кувалды.

Незакованные в латы,
Поднимайтесь ряд за рядом,
В сердце с огненным зарядом,
Проповедники — солдаты!

Сибирь! — твоя пришла пора.
Прощай, солдатская Юрга!
Летим орлами на врага!
Вперед! Ура! Ура! Ура!

СОЛДАТЫ

(Поэма без вымысла о добровольческой сибирской гвардейской дивизии.)

Я стих сосватал скучной теме.
Совсем ненужной — говорят.
Но, я тревожным сердцем с теми,
Которых фронт поставил в ряд
Солдат.

Не тех, что на ПАРАДЕ —
Таких игрушечных на взгяд.
Оставим этих, Бога ради.

Мои в парадах не летят
Пока.
В герои их зачислить!

Но, прежде, мы испортим слог,
И скромно вложим наши мысли
О нём, о Сталине, в ПРОЛОГ.

Припомним мельком:
Он, со други,
До истерии, до натуги,
Еще задолго до войны,
Бахвальством были так больны.

Мол —«Мы не мы!
Крепка граница!
Крепки замки!
И не тужи!
Ни зверь, ни вражеская птица, —
Куда там — мышь не пробежит!!»
Болтали, день и ночь болтали,
Что в мире ПРАВДА лишь одна,
Одно светило в мире — Сталин!
И жизнь без Сталина — бедна.

О, вся тяжёлая работа
Легла в диктаторский венец.
А крови, крови сколько! Пота
Людского — выпил «наш отец».

Кричали ль, проще ль говорили —
Всё лгали.
Лгали там и тут,
Что ТУЧИ красных эскадрилий
Любого ворога сметут!

«Родной земли врагу ни пяди,
Вершка земли не отдадим!» —
Кричали сталинские дяди.

Нет! Мы такому не простим —
Кому отчизны путь не дорог.
Кто родину не полюбил.
Кому Руси извечный ворог —
На наши беды — другом был.

Трещит оплывшая свеча,
С судьбой знакомимся, покуда...

«Сей повар, — Ленин завещал —
Лишь острые готовит блюда.»
И сбылся ленинский завет: —

Адольф! и Сталин!
Хайль, герои!
И «удивил» Иосиф свет —
Нырнув в фашистские помои.

Он! «Самый мудрый!
Самый!
Самый!!»
Он шлёт сенсации в эфир,
Играя трубкой и усами:
«Адольф!
Германия!
И... МИР!!»

Друзья!
Подумать!!
Два шакала.
Плохие шутки Век шутил.
Плохого нам судьба искала.
И... зверя — зверь перехитрил.

« Любимый город спал спокойно,
И видел сны... » — когда к нему
Шли Юнкерсы зловеще — стройно..
Проснулся он в огне, в дыму.

Война !?
Помилуйте ! Откуда ?!
Нет ! Нет войны ! Не верьте ей !

И новый взрыв !
Обломков груда.
И трупы женщин и детей.

В таком « привете » знаменитом,
Адольф, Иосифу дружку,
Шлёт Мессершмидт за Мессершмидтом,
В *его* бездарную башку.

Но, бомбы Сталин не боится : —
« Крепки замки !
И не тужи !
Ни зверь, ни вражеская птица —
К *нему* — и мышь не пробежит ! »

Боится он народной мести.
Боится « преданных » друзей.
Боится виртуозов лести, —
Из фарисеев фарисей.

И бомбы злобствуют над теми,
Кому и жизнь не дорога.
Кто сам, совсем не ради премий,
Сломал бы Сталину рога.

Попытки были. Но... досада ! —
Иосив Сталин ускользал.
Крамольников ждала засада :
Аресты..
Пытки...
К стенке !
Залп !!

Адольф подвёл.
И растерялся
« Иосиф первый » в первый раз
Со дня, как Ленину поклялся,
И плюнул в ленинский наказ.

Всё можно от народа спрятать
Умеючи.

Всё гладь да тишь!
Но, как же, верные ребята,
С войной!? —
Войну не замолчишь!

Впервой и правду объявили: —
«Война! И в армию набор!»

Но, где же «тучи эскадрилий!?»
Где Красной армии отпор?!

Полки советские восстали.
Открылся мерзостный обман.

В эфир заплакал маршал Сталин,
Зубами лязгнув о стакан,
Взывая:
«Братия! И сёстры!
Коварный враг на нас напал!..»

А кто «врагу», паршивый пёс, ты,
Как другу руку пожимал?!

Кто был в союзе с кровопийцей?!
Кто выхвалил его разбой?!

Убийца ссорится с убийцей, —
Так, кто из вас бандит!?

Любой!!!

Диктатор плачется «ко брату»?!
Давно ль?
А жалобно поёшь!
Но! Брат ли честному булату —
Убийцей выточенный нож?

Вожак жестокостей и блуда!
О братстве ты ль заговорил, —
Народа русского Иуда!

Ты «братства» в племени горилл
Ищи!

Тобою ли водима,
Пойдёт Россия на врага
В сей грозный час?

Неукратима —
Зальёт родные берега
Волной могучей возмущенья!
И, русской храбростью горды,
Восстанут армией отмщенья,

На дерзость вражеской орды,
Сыны России!
Партизаны,
Пожарских, Мининых полки.
Найдут Сусанины Иваны
Врагу поглуше уголки.

Тревожной, дальнею дорогой
Врага Россия утомит.
Запорет вилами! Острогой!
В пути заложит — динамит!

Сосо! Не страстью к словоблудью,
А грудью лучших сыновей
Россия вышла — русской грудью
К победе! —
Краше, и новей.

Но *ты* украл венец победы.
И счастье Родины украл,
Случайно влезший в эполеты,
На смех трусливый генерал.

Ни тяжесть ран, и ни победы,
Ни смерть героев на полях, —
Не сняли гнёт.
И снова беды.
Россия вновь на костылях.

Иосиф! Ты взошёл на трон!
Тобой несчастному столетью,
Что дал ты?!
Ты — со всех сторон —
Палач в рубахе красной, с плетью!

Теперь война. Не место спорам.
Герман вломился в Русский дом.
Он здесь! Вблизи!
За этим бором!
В тумане дымчато-седом!

И все спешили, оставляя
«На после» Сталина-врага.
В беде сторонушка родная!
Была минута дорога!

На шее с петлей, в бой вступили.
И ты смекнул, вонючий мул, —
Пока солдаты немцев били,
Ты — петлю туже затянул.

Вернулось властное ЧеКа,
Ещё придирчевей и гаже.
Трещит солдатская щека
От лапы трусов из блиндáжей.

« По морде » бьют !
Стреляя — бьют !
Со страху — бьют !
И с пьяных глаз !
О « братстве » больше не поют.
И « брату » !
Брату в морду — ррраз !

О, да !! Такие командиры,
Одев российские мундиры,
Пришли на фронт и, как ужи,
Вползли немедля в блиндажи.

Что этим гадам — жизнь солдата,
Отчизны честь, иль честь жены ?
Они — грязнее супостата !
Они — не люди, а чины !

Отдай, отдай, седая, сына !
Последний ?
Всё равно отдай !

Дрожа, как горькая осина,
Рыдает..
Ничего ! Рыдай !

Её догнали мы — бегущей
За ротой маршевой солдат.
А в небе, над осенней рощей,
Парил со свастикой пират.

В чужое горе неприлично
Совать, из любопытства, нос.
Участлив будь ! Задай тактично
Несчастной женщине вопрос.

Мы все в беде неумолимой.
Но быть глухим к чужой беде
Нельзя.

Идут солдты мимо...
Спешат, как сельщина к страде.

Простите! Плачете о чём?
Разбили может быть избушку?
Убит кто?
Ранен?.. За врачом
Послать? — спросили мы старушку.

— Не то... Не то... — И головою
Качает старый человек.

Пылят дорогой столбовою
Солдаты, с танком во главе.

— Сыночка с ними проводила...
Последнюю опору мне.

Прощаясь, вечное светило
Огнём лежало на гумне.
И чудилось: —
Пылает крыша!
Пылают избы и стога!
В огне река и берега!
И никого Господь не слыша,
Сжиганьем мира упоён!

На всё живое гонит пáлы,
Горят и облака, и скалы! —
Творец и в пагубе силён!

Шумит тревогою листва.
Солдаты топают, как черти.
Рукой подать — до Рождества.
Но, ближе, кажется, до смерти.

Старушка не спускает глаз
С солдата, крайнего в девятом
Ряду.
Уж падала не раз,
Бежать не успевая рядом...

Она, — заметила ль, берёзка? —
Бежит, не двигаясь вперёд.
Всё отстаёт и отстаёт...
Солдатушки шагают хлёстко.

И Мать совсем остановилась.
Лишь взгляд бежит ещё, бежит...

«Храни его, Господня милость!»

Сама дрожит...
Листва дрожит

На белой тоненькой берёзе.
Луна восходит над рекой.
Старушка трепетной рукой,
Не то молясь, не то в угрозе,
Пространство крестит, где исчез
Солдат... Сынок...

Темнеет лес.
Ложится на землю прохлада.

Ушла последняя отрада...

Обратно, по пустой дороге,
Едва передвигая ноги,
Мелькая в пазухах просек,
Идёт и плачет Человек.

Была и у неё семья...
И к прошлому склоняя взоры,
Старушка думает моя
О мальчике, ушёл который.

Его отец в далёкой ссылке.
Расстрелян неповинный брат.
Ей, душу вытянув по жилке,
Шипел тюремный бюрократ: —
« Свиданий нет! И писем нет!
Понятно?!
Следующий кто!? »

И вышла женщина на свет
Деньской, в расстёгнутом пальто,
Платчишко комкая в руке,
Беззвучные глотая слёзы...

А ветер, ветер на реке,
Беда!
Трескучие морозы!

Идёт бесчувственной она,
Как снег же сердцем холодна.
В глазах ни искры. Ни кровинки
В лице. —
Знакомые картинки.

Гонимая! Никто не смел
Подать ей руку.
И житьишко

Тянулось к нищенской суме.
Но жизнь текла... Но рос сынишка..
Без средств, без своего угла,
Сынишку всё же подняла.
Какими тяжкими трудами,
Не описать!
Судите сами.

С кормильцем ожила она.
Теперь ей — старость не помеха.
С сынком!

И грянула война —
Ценой великого огреха.

Отдай, седая, сына!
Последний?!
Всё равно, отдай!

Дрожа, как горькая осина,
Рыдает...
Ничего, рыдай!

Что этим гадам жизнь солдата,
Отчизны честь, иль честь жены?
Они — грязнее супостата!
Они — не люди, а чины!

Солдат — ничто! Он единица
Живых и мёртвых единиц.
Солдаты счётны не на лица.
Солдатству не было границ.

Покуда ружья не палят
Давай осмотримся кругом:
Теперь ничто не оживит их —
Солдат замученных, убитых
Болезнью, голодом, врагом.

Последний их и вздох, и взгляд,
Руки последнее движенье,
Последнее дрожанье губ,
Их шёпот (нежен или груб),
И, на пороге всепрощенья,
Слезу прощальную души, —
Ты, если можешь, запиши!

И к людям ждущим возвращенья

Солдата с фронта, подойди
С священным трепетом в груди,
И запись дорогую эту
Над ними тихо разверни.

И правду жуткую они
Поймут.
Ты ж, вопреки запрету,
Когда заплачется, почти, —
Всё Клятвой Новою прочти!

Сейчас, стемнеется едва,
Метнутся к трупам мародёры.
Они «с приказом от полка»,
Тылов надёжная братва,
Не из таких, что звали «Па́ря», —
Карманы тщательно обшаря,
Разденут трупы донага.

Могил не выроют сапёры.
С избытком здесь воронок, ям,
Дружок, на погребенье нам.

Приволокут поближе к ямам,
Поднимут, раз и два качнут,
И вниз победной головой,
Солдат поруганный скользи.

Без церемоний! В землю прямо,
Герой!
Безвестным голышом
Увязни в тине и грязи.
Тебе и в яме хорошо. —
Ты мёртв! А нужен ты — живой.

По-сталински солдата мерьте:
Что толку-то в геройской смерти?!
Ты должен жить, и побеждать!
А смерть — подумаешь, нужда!

Не заслужил ты смертью, милый,
Ни рубашонки, ни могилы,
Ни грязных рваненьких порто́в,
Ни слов прощальных, ни цветов.

А эти типы — мародёры —
Молчком управившись, как воры,
Добычей ухарей в лесу, —
От них одежды унесут.

— О, низость !
Низость ! Я согласен.
Весь фронт их низостью прошит.
И вид, поистине, ужасен
Блиндажной сталинской парши.

Но правда выльется когда-то.
« Солдат ?! » — дорога лишь на фронт !
А с фронта — вещи от солдата
Вернут с винтовкой без патрон.

— Зачем ?
« Зачем ?! » — другой оденет.
Погибнет тот — оденет третий.
Одежда, милый, стоит денег !
Ведь это ж не было в секрете.

А жизнь солдата — ни копейки.
Ни, даже, — даже ни гроша !
« Солдат !? На фрон ! И бейте ! Бейте ! » —
Кричит блиндажная парша.

И шёл солдат кровавой стёжкой...
Безмолвно гиб,
Бесследно гиб.
Иди, солдатушка, не мешкай !
Последний, кажется, изгиб
Траншей.
И... смерть, на повороте.
Нигде могил. Нигде крестов.

« Похоронили ?! »
Врёте !
Врёте !!
Их, брали за ноги, и... в ров !

Но честь солдатскую не троньте !
На это ты бессилен, « брат » !
Один, и только ОН, на фронте
Герой и мученик — *солдат !*

Над телом да, — вы надругались.
Втоптать пытались душу в грязь.
Но дальше, дальше вы боялись !
Боялась сталинская мразь !

И шёл солдат : больной, голодный,
Разутый, вшивый, — молча шёл.
О, страдный путь судьбы народной,

Ты страшен был!
Ты был тяжёл!

Иного не было.
На битву
Им — шёл солдат, и не роптал,
Неся в душе своей молитву:
«Спасти б Россию!»
И страдал.

Он счастлив был, коль падал сразу —
Сражённый в грудь, или в висок.

Несли, и, вдруг, разбили вазу.
Осколки врезались в песок,
И всё!

Но, если очень ранят,
Не мог идти, не мог ползти,
Увы — напрасные старанья!
Подохнуть должен ты!
Прости,
Солдат! — я выразился грубо.
Но жжёт бесправия печать.
А нервы, нервы не из дуба!
И часто хочется кричать: —
Спасите, милые! Спасите,
Кто в ПРАВДУ верует ещё!
Ведь жизни нет при паразите —
Владыке каторжных трущоб.

Пройдя траншейную пехоту,
Соласно новостей, — в молве —
Прогнали маршевую роту
В атаку. С танком во главе.

Обратных не было с атаки.
И снова притаился фронт...
А может — правда, может — враки:
Капут им! Шли-то без патрон.

Ты, слышишь? Раненые стонут...
Чего дрожишь?
Замёрз?
Иль... так?
Ну что ж, привыкенешь...
К *ним*, и к стону.

Война, солдатик, не пустяк.

Когда тебя никак не ценят,
Напрасны споры и невроз.
Для всех : в Москве, в Берлине, в Вене, —
Мы — лишь « истории навоз ».

И здесь, о раненых заботы —
Совсем заботы никакой.
Они заброшены, забыты.
Нередко, рядом, под рукой.

« Помочь ?! »
А кто ему поможет,
Солдат?
Ты нужен только в бой.
В тылу, там рожища на роже.
С похмелья — вновь идут в запой.

« На хрена раненый мне нужен ! » —
Рычит блиндажный генерал.

И ты, в своей кровавой луже,
Ты долго, страшно умирал.

Вот так-то заплатили « брату »
Бахвалы сталинских высот.
О подлости такой к солдату,
Расскажет этот эпизод,
Один — один из миллионов,
Сверкнёт правдивою искрой.

О, если б ТЕХ —
С высоких тронов
Послать на фронт !
В солдаты !
В строй !!

Передова́я.
После боя
Осталась горсточка в живых.
Склонилось солнце золотое
За вётлы, к полю мин чужих.

В восторге смерть « от урожая ».
Повсюду груды трупов.. Кровь.
« Сбирай !! » — хохочет, угрожая
Живым.

Живым ли ?!
Завтра, вновь
Разбросит карты смерть-старуха.
Протянет руку...
Крикнет — « Мой ! »
И пули свист сорвётся глухо.
Чей жребий завтра ?

« Бра-а-а-тцы ! О-о-о-й ! » —
Дошло из мглы, страшнее смерти.
От поля боя, где лежат —
Кого « забыли ».
Стон их, верьте, —
Он сердце режет без ножа !

Ползут мучительно минуты.
Зловеще меркнет блеск ракет.
Молчат солдаты...
Словно путы —
Им в тягость жизнь.

Постылый свет !
Судьбой оплёванным сердцам —
Чего желать ?
Желанья ту́пы.
Погрязшим в тину мертвецам —
Завидуют живые трупы.

Всё, что они ещё любили,
И что их собственность, вполне,
Давно-давно похоронили
В души великой глубине.

А тысячи, в шинелях серых,
Российских девушек родных,
Влились на фронт — Отчизне верных,
Красивых, сройных, молодых.

Герои девушки — солдаты !
Но... что за странные дела ? !
Ах, вам, — вы тем и виноваты,
Природа женственность дала.

Теперь уж бесполезно охать.
Превыше чести э т и м — похоть !
И тянут юных для « забав » !
И хорь блиндажный, и удав.

Смущали и теплом, и сном.
А проще подошли к девахам —
С угрозой, с силой, и с вином.
И с голодом, и смерти страхом.

Не все, но много, очень много,
Отдали молодость свою
Ни где — за Родину дорога.
И гибли... гибли не в бою.

И вы, идя на фронт, пылали
К Отчизне жертвенным огнём.
Вы были юны, и не знали,
О, вы не знали об одном :

Вам не склоняться милосердно
В бою, над раненным бойцом.
Что ЗДЕСЬ принудят вас, усердно,
Сойтись с блиндажным подлецом.
И тешить этой дряни похоть,
Под шорох гибельной войны.

Девчата, плохо ! Очень плохо !
Но вашей не было вины.

Вскипая мыслью благородной
О фронте, девушки мои,
Вы были совестью народной !
Вы были гордостью Земли !

Но, те, кто эту совесть глушит,
Кто носит вместо шпаги — нож,
Они — блиндажные чинуши,
На вас устроили делёж.

Не к ранам стонущих, меж руссов,
Влекли вас демоны, смеясь, —
В блиндаж ! В постели грязных трусов !
В постилок роль !
В такую грязь ! !

« Бежать ? ! »
Не смей !
Кругом застава.
В кровать ! Разденься ! И лежи !
Под окрик « нового устава » —
« Ни слова против ! В блиндажи ! »

Отняли честь. Сломили волю.
О, нет ! Не ваша в том вина,

Что вы пошли с тоской и болью
В постели.
Всё равно — война!

В траншеях грязь с болотным илом
Не всё ль равно, в конце концов.
И в том подобии могилам —
Живые топчут мертвецов.

Кто б вынес крест таких лишений?
Атака ль это?!
Это ль бой!?
Солдат пассивные мишени
Шли без винтовок, на убой.

Через болото... В гору... К лесу...
Чрез поле мин! Через овраг!
Идут...
Бегут!
Упали!
Лезут!!
Но крепок вторгнувшийся враг.

И вновь идут...
И снова цепи...
Идут на штурм сибиряки,
Идут сыны кубанской степи,
И Волги-матушки реки.

Здесь все сошлись в одном потоке.
И кровь в один поток лилась.
О! вся земля на ТОМ востоке
Славянской крови напилась.

Каких идей прекрасных ради
Нас в эту пропасть занесло?
Войны горячкой лихорадит!
А душу — холодом свело.

Какою волею носимы? —
Кто знает!
Кто его поймёт!
В затылок нам строчат «Максимы»
А в лоб — немецкий пулемёт.

Кто знамя нёс?!
Кто поднял шпагу?!

Кто крикнул: —
Русь не отдадим!
Вперёд, друзья!
Назад — ни шагу!
Иль, все умрём! Иль, победим!!

ТАКИХ — на смертный бой зовущих,
Здесь нет таких!
Но, за спиной,
Трусливых глаз, и вездесущих,
Продажной швали — записной,
ИХ — много! Что не умирают
За Родину, за свой народ.
Лишь на солдат визгливо лают: —
«Вперёд! Растак — вашу! Вперёд!»

О, как томительны минуты...
Солдат! Не думай ни о чём!
Ты так ничтожен!
Никому ты
Не нужен.
Здесь — ты обречён.

Смешались дни, недели, числа.
Приляг усталой головой.
На стан врага, на лагерь твой —
Со вздохом, ноченька нависла.

Но фронт живёт: посты, секреты,
Стрельба на ощупь, в темноту.
И эти нудные ракеты.
И, всюду, — мины на посту.

Кипит резня.
А кто в ответе?
Кто восстановит вашу честь —
Погибших честь?

В продажном свете,
Кто вас осмелится учесть?

Что вам на памятнике высечь? —
Чего во имя?
Впрочем, нет!
Войдёт их гибель, этих тысяч,
В итог потраченных монет.

Погиб, и всё!
И взятки — гладки!

Лежи! — порядок, ведь, не нов:
За вас — трусливые десятки —
Получат много орденов.

Раздел между враждебных станов
Зовут нейтральной полосой.
По ней — гуляет неустанно
Костлявка старая, с косой.

Не лень проклятой, — НАКОСИЛА!
— Но, это... Это не снопы!?
— Вглядись, сынок!
— Святая сила!
Какие жуткие стопы.

— Вот так-то, милый, штурмовали
Весь день позицию врага.
— И штурм отложен, знать?
— Едва ли...
Им, жизнь людей не дорога.

Не расхлебать нам этой каши.
Среди убитых, посмотри!
Там немцев нет. Всё, милый, наши!
Всё наши, слышь, богатыри.

А кто не видел, не поверит.
По сводкам «Совинформбюро» —
«У Фрица — крупные потери!»
Строчит брехливое перо!

Подвержен всяк греховной дрожи
В борьбе за жизнь.
Мы и грешны
Лишь тем, что жизнь для нас дороже
Чем смерть.
Хвастуньи мне смешны.

В с е м у — не сыщешь оправданий.
Во в с ё м — расплавиться легко.
Возьми не морюшко страданий, —
Одно страданье в е л и к о.

Пойми того, кого обидишь.
Поняв — склони гордыню ниц.
И ты — восстанешь!
Ты увидишь,
Что мир страданий — без границ.

Бродя в лесах родного края,
Раз, у Ангарских берегов,
Уснувший лагерь рыбаков
Я встеретил.
В центре, догорая,
Лежал костёр.
Давно забытый,
Он так красиво догорал!
То был, в живое сердце слитый,
Не огнь, а пламенный коралл.
Он, что больной в жару, метался,
За жизнь боролся — сколько мог.
То глох почти, то разгорался,
Почуя лёгкий ветерок.

И вот, он гаснет.
Вспышки реже.
Уж саван пепельный себе
Пугливой искоркой мережит...
И стынет, в траурной резьбе.

Как, вдруг, он ярко засветился! —
То был его предсмертный миг.
Я слышал крик!
Протяжный крик...
И всё. Он с жизнью распростился.

Дымок, спиралью тёмно-синей,
Рванулся ввысь.
Исчез во тьме.
И грустно — грустно стало мне.
А боль души невыносимей.

Обидно стало мне до слёз, —
Я! Друг костров!
Да полно! Друг ли?
На потухающие угли
Зачем я веток не принёс?

Мешал ли кто мне на пороге,
К больному кинуться в тревоге,
Помочь ему в последний час?
И он наверно б не угас.

По звёздам в небе — скоро полночь.
Минуты — вечности равны.

Солдат в тревоге: —
« Где же помощь?.. »

О, сын измученной страны,
Не жди!
Ужель ты так наивен?
Ты ж не годишься больше в строй!
Ну, и лежи!
На смертной ниве —
Нужна лишь кровь твоя, герой.

А трупа скрюченость немая
Войдёт звеном в сплетенье тел.
Ведь, этим ужасам внимая,
Жестокий враг оцепенел.

Его ничто не задержало
От первых дней. И до Москвы
Он нёс отточенное жало.
У сердца был он!
Но, увы, —
Пригнали вас...

Боясь разлива,
Когда ломает плотину́,
В прорывы страшные, ко дну,
Мешки бросают торопливо:
С песком, с мукой,
Что под рукою,
Летит под сорванный мосток —
Ценой безумно дорогою.
И гаснет яростный поток.

Вот так и вас. Бросают в прорву
Под танки, мины, тучи бомб,
К орудий рыкающих горлу,
В могилы новых гекатомб.

Пургой, в сметенье небывалом,
Безмолвно, тихо, тяжело —
Шагают « трупы »...
Вал за валом
Их горе-горькое вело.

« На фронт! На фронт!
Не бойтесь трупов! » —
Машина Сталина шумит.

И захлебнулись жерла Круппов.
И растерялся Мессер-Шмидт.

Солдат откинулся устало.
Ему уже не до того.
И боль всё время нарастала,
И жажда мучила его.

Бедняга бредит.
Домом бредит.

Весна...
Горячая пора.
Пахать сбираются соседи.
Играет солнышко с утра...

Он что-то ласковое слышит.
Склонилась..
« Мама ! Ты ? »
Она.
Ещё он жив !
Ещё он дышит !
Он должен жить !
К чему война !?

Он сел...
Он, кажется, поднялся !

И над застывшей тишиной,
Щемящий душу стон раздался.

Крепись, солдат !
Терпи, родной !

« Воды-ы-ы..
Эх.. Бра-а-атцы-ы ! Пристрели-и-те !
Сестра-а-а-а.. »

О, Боже ! Боже наш !
За что ?
За что, скажи, Спаситель, —
Пролиться кровь его должна ?

Вода... Вода... Косой плетёной
На землю льётся из бадьи.
На жар в груди.. Струёй студёной.
Опять, бедняга, в забытьи.

Да ! Мы враги — врагов народа !
Заклятые враги !

Его деревню звали « Броды ».
Вмостилось у реки

Всего десятка два избёнок,
Да баня, да амбар.
За баней пни. И сплошь опёнок.
Да выпаса с гектар.

Избу отец поднял грошами,
Соломою покрыв.
Напротив — весь изрыт стрижами —
Зареченский обрыв.

Черпнув воды, ушёл просёлок
К синеющей горе.
Коровы, бык, да пара тёлок
Паслися на бугре.

И всё. Да люди. Люди были
Чалдоны — « кержаки ».
Нуждишку смертным боем били. —
Крутые мужики !

А так добры. Скромны. И очень
Приветливый народ.
Уклад семьи отменно прочен.
« Не кинешь в огород
Об этом камушек. »

Не кинешь
Про нашенских девах.
В другом — они не инокини ж
В житейских делах.

Полюбит, — замуж согласится.
Накупят золотого ситца,
Воздушной тюли на фату.
Судьба подхватит на ходу,
Что вешняя водица.

Пусть и тесно в отцовских стенах,
Да не в обиде молодёжь ! —
Гуторят мужики степенно.
Потрудишься — не пропадёшь.

Дела свои решали сходом
Деревни — на миру.
А жизнь лютела с каждым годом,
Что вьюга на юру.

Давно, кажись, в лихие годы,
Едва зацвёл каштан,

Зашла девчонка в эти Броды...
И повзрослел братан.

Зашла впервой. А имя Луша.
Она из-за реки.
Места у них таёжней, глуше.

А с красной-то строки
Начать : Дошло у них до свадьбы.
И ожили, гудя,
Соломой крытые « усадьбы »,
В заботах погодя.

Дарил братан друзей вечёркой.
Уселся гармонист...
У нас, когда идут шестёркой —
И козырь сторонись !

Гудит изба. Звенят припевки.
Молотят каблуки. —
То парни пляшут так.
А девки
Взлетают на носки.

А утром, с солнышком, к невесте
Подружки постучат.
Да в церковь. Да поплачут вместе
Сшепнутся. Помолчат...

Но, вышло всё не так. Иначе.
« Не в стро́ку. » — говорят.

В деревню, ночью, волком, значит,
Наведался отряд
Н.К.В.Д. —
Отколь возврата
Не жди. Смолчит она — земля.
Отца скрутили. Взяли брата.
И ханула семья.

А он, пока подрос. Да сила
Почуялась. — Война
Взяла, и смертью пригрозила.
Суди, вот, — чья вина ?

... Опять очнулся беспризорный
И раненый солдат.
В глазах политики позорной —
Он прежний супостат.

В полсотне метров, по траншее,
С какой-то жадностью, давясь,
Солдат до пояса, до шеи
Всосала глинистая вязь.

О, звери ! Гнусная проказа ! —
Ничто не смеешь без приказа !
Пусть с Богом, с совестью разлад,
Пусть гибнет раненный солдат, —
Спасать не смей ! Ни млад, ни стар.
Не чтут спасителя героем.
« Под суд ! » — прикажет комиссар.
И расстреляют перед строем.

Всё мнится этим идиотам, —
Кругом измена, шпионаж.
В глазах их, в визге косоротом —
Застыл безумия мираж.

Тревожным будь на каждом слове !
За каждый шаг, за каждый взгляд, —
Смотри ! Семья твоя в залоге !
« Безвинных ?! » — всё равно, казнят.

Угроза смертью, голод, стужа, —
На этом, друг, и фронт возник.
И, как палач, сей пытки ужас —
Покорность вымучил из них.

Сгорает жизнь.. Сгорает даром,
Орлы !
Вы расстаётесь с ней
За шкуру труса комиссара !

Молчи, солдат !
Молчи !
Не смей !

И он молчит. Но, даже камень
Не всё выносит.
И грозит
Солдат несчастный кулаками
Во тьму ! И шепчет : —
« *Паразит !!!* »

« Воды-ы-ы... Воды-ы-ы... »
Как смерть волнуя,
Лилось в траншею.

« Тошно-о-о... Брат...
Добейте, братцы !.. Не могу-у я... » —
Метался раненный солдат.

Ни взрывы бомб, ни канонада,
Ничто не будит тяжкий сон —
Солдатский сон.
Забыться надо. —
До смертушки измучен он.

Так что ж не спится вам, солдаты ?
Что ваши души потрясло ?
Не зарево ль горящей хаты ?
Куда вас в думах унесло ?

Усните ! Сон вам очень нужен.
Ведь вы не все же на посту.
Зачем до боли взгляд напружен —
Сверля ночную темноту ?

Зачем, закрыв на время уши,
Их вновь открыли ?

До глубин
Сжимает сердце. Тянет души...

Зачем ты стиснул карабин ?!

« Воды-ы-ы... »

И лопнуло терпенье !
Души внезапное кипенье,
И эта огненность лица, —
Взамен покорного бойца !

« Спаси, Христос ! » —
Схватил он флягу, —
Иль дам воды ! Иль рядом лягу ! » —
Сказал, и сгинул точно дух.
Что факел в ноченьке затух.

Браток ! Очнись !
Держи...
Водица !..
Скорей не мог... Не обессудь...
С отлучкой, знаешь.., не годится.
Да ты в крови весь !.. Эка жуть !

Не кремень кто, и редко плачет
В беде — достойной горьких слёз,
Без меры выстрадал он, значит.
Без меры горя перенёс.

Солдат склонился над солдатом...
А кто-то — смерти не добрей —
Рассыпал в зареве косматом
Костры зловещих фонарей. —
Урча с небес...

Так в полдень знойный
В степи́
Кружи́т над вами шмель.

Лежит солдат...
И к ране гнойной
Присохла грязная шинель.

Да! Он в крови!
Он на пороге
Потустороннего крыльца.
Черты лица солдата строги —
Страданьем русского лица.

И вот... как другу дорогому,
Как сыну ласковая мать,
Один солдат — помог другому
Последней искорке внимать.
Испить глоток последней жажды...

И тот, испил..
Бессильно лёг..
Сказать пытался что-то, дважды,
Но смолк.

Так гаснет уголёк,
Когда в нём огнь последний плещет.
Так жизнь — последний стих поёт.

Ну, как, родимый, легче?..

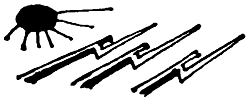
« Легче... »

И, Богу душу отдаёт.

Уже стрельба по фронту реже.
Озябший пост не очень строг.
В ленивой дрёме — утро брезжит.

Подул холодный ветерок.
Устало, пулемёт протакал.
Угас прожектора раструб.
И всё...

Склонясь на тёплый труп —
Солдат живой навзрыд заплакал.

У МЕНЯ НЕ СТАЛО МАМЫ

Я только — только юношею стал,
И помню : у меня не стало мамы.

Весенний дождь по городу хлестал.
Умытые дождём, светлели храмы.

Встревожив своды гулкие камней
Найдя икону с выгоревшей рамой,
В углу, где церковь кажется темней,
Молюсь : — О, Боже ! Смилуйся над мамой !

Сидит швея за рваным рукавом...
От полночи прошли патрулей смены.
— Кого забрали ? Слушайте, кого ?!

Единственную — нет кому замены !

Растерянность царит в моём мозгу.
Я вижу только мрачную картину.
Смеющийся приносит мне тоску.
В груди... — как будто вынули грудину.

И маму смерть безжалостно взяла.
И слух прошёл, как слухи — осторожен,
Что труп её у нашего села,
В лесу, в могилу братскую положен.

Не дождь шепнул мне, душу исхлестав,
Что в жизни, словно смертнику у ямы,
На счастье у меня « Один из ста ».
Из ста — один !
Ведь у меня не стало мамы.

ЦЕНА ВОЛИ

Получайте и жизнь, и деньги !
Хороша ли она-то собой ?
На минутку её разденьте...
Погляжу. Я оценщик скупой.

Да ещё и придирчив, в этом.
Не игрушку найти я хочу,
Не застывшим, с холста, портретом —
Непонятную прелесть, ничью.

Но кипучую силу слова !
Всколыхну им людскую молву.
И сурово, совсем сурово, —
Уж пускай я таким прослыву —

Я скажу : Возмутитесь, люди !
Натерпелись ! Погнули хребёт !
Беззаконье пристрастных судей
Беспощадно вас било и бьёт !

И приведших восставший крейсер.
И ворвавшихся в Зимний. Теперь,
Вас шельмуют в партийной прессе
За своё, от своих же потерь.

Обо всём я тогда сказал бы.
Как платили великой ценой
За Октябрь, за Авроры залпы,
За охапку соломы ржаной

На подходе крестьянина к рабству.
Заплати ! Заплати ! « Капец ! »
Да на каторгу, к равенству-братству,
За дорогу в один конец.

Поналезло в Россию « судей » !
Всё не наши, с чужой кошевы.
Я кричу : Возмутитесь, люди !
Возмутитесь ! Ведь, люди же вы !

Не рядился, Сосо, — Федотом !
Ты —« Федот, да не тот ! »
Эй, Федот !
Выходи из Кремля к воротам !
К возмущённым !

Я верю, придёт

Долгожданной свободы время.
Я улыбок, в сторонке лесной,
Наберу, как цветов — беремя!
Поздравляя прохожих с весной.

За такую, вот, жизнь — не надо
Мне ни денег, ни всех орденов.
Жизнь России — моя награда.
И потомков счастливых любовь.

АРЕСТАНТСКАЯ ПЕСНЯ

Не пой про волюшку, отрада!
Любовь к свободе не буди.
Крепка тюремная ограда,
Лежат капканы на пути. Э-эх!

Крепка тюремная ограда.
Лежат капканы на пути.

Поземка мечется по полю,
В сугробы ляжет у тайги.
А сердце просится на волю, —
Бежать, товарищ, помоги! Э-эх!

А сердце просится на волю.
Бежать, товарищ, помоги.

Разбить тюремные оковы,
Ночную стражу обойти.
Звезды — фонарик васильковый
Укажет верные пути. Э-эх!

Звезды — фонарик васильковый
Укажет верные пути.

В свободу! В этакую радость!
В лесов заснеженных сады.
В лишь нами знаемую сладость —
Испить от проруби воды. Э-эх!

В лишь нами знаемую сладость —
Испить от проруби воды.

Бежим!? А Звёздочка укажет...
На «окрик» вызовемся — «Свой!»
Пусть дремлет внутренняя стража,
Пусть мёрзнет в будке часовой. Э-эх!

Пусть дремлет внутренняя стража,
Пусть мёрзнет в будке часовой.

Упасть родительнице в ноги.
Детей приветить и жену...
И узник, скованный, в остроге,
Крушит ночную тишину !!! Э-эх !

И узник, скованный, в остроге,
Крушит ночную тишину.

Тюрьма напугана ! И глотку
Дерёт дежурный лоботряс.
А ОН, железную решётку
В великой ярости потряс !!! Э-эх !

А ОН, железную решетку
В великой ярости потряс.

ПЛАЧЬ НЕ СТЫДИСЬ

Плачу о ней —
о России тебе неизвестной.
После того,
как едва улеглась пороша́,
С нищей сумой,
называясь христовой невестой,
Шла в монастырь
молодого поэта душа.

Плачь и о ней, —
на дороге её изловили,
Плюнули вглубь,
отобрали вериги и крест.
Всю осквернив :
до побоев, до грязных насилий.
Сдали конвойным,
и те повели под арест.

Долго томилась горюна
в плену у поганых.
Прессом тюремным
до капельки выжали сок.
Стража входила
всегда обнажая наганы.
На пол бросали
захватанный хлеба кусок.

Плачь, не стыдись! —
непутёвые только не плачут.
Горше, куда, —
истомиться не выплакав слёз.
Всем принесли,
а тебе не несут передачу...
Некому, значит, родная! —
чужой не принёс.

Некому!? Это обида,
такая обида!
Столько людей окружают,
а ты — одинок...
Жизни бы! Жизни! —
но вдребезги сердце разбито.
Плачь, не стыдись! —
человеку страдать суждено.

ОСИНЕ

Иногда, сбывается мечта: —
В тишине сумерничая синей,
Я стихи взволнованно читал
До листка заплаканной осине.

И несметный сыплется жемчуг
На ковёр невытканый, зелёный...
И ушли с Москвы на Кременчуг
Новобранцев юных эшелоны. —

Отстоять Республику труда,
Да разведать новости какие.
Хороши ль чужие города?
Хороши ли девушки чужие?

Пронеслась военная гроза.
Не кричит пронзительно сирена. —
Что ж не едут юноши назад?
Не идут ребятушки из плена.

Не змея вкруг сердца обвилась,
Не Иуда выдумал ехидство. —
Проклинала сталинская власть
Молодых людей за любопытство.

Хороши чужие города.
Хороши и девушки не наши.

А тоскуешь... Хочется туда,
Где зовут их — Любушки и Маши.

О, шуми же плачущей листвой!
Попеняй о горечи осинной.
И мои страдания удвой,
Переполнив капелькой росинной.

За мечты поэта накажи.
За любви нетронутой избыток. —
По старинке, бросив на ножи
В подземелье, в комнату для пыток.

Я свою горючую тоску
Отрываю заживо от тела,
И зверям бросаю по куску...
Я хочу, чтоб сердце опустело.

В ПОДВАЛЕ Ч.К.

Подвал для расстрелов в Ч.К.
Из дикого камня стены.
Колючая зоркость «волчка».
И три караульных смены.

Решен «о виновности спор» —
Ведут после зверской пытки.
Наганы маячут в упор, —
В кровавых подтёков слитки.

Команда, как хлыст, — «Становись!!»
Как хлыст в цирковом манеже.
Так прыгает с дерева рысь
На жертву свою, и режет!

Минута звенит тишиной.
А жадная память ловит
Секунды прощанья с женой,
Тревожные в каждом слове.

В багровой и липкой пенке —
Не звякнув, упали очки.
А пьяный зверюга — чекист
Визжит, матюкаясь, — «К стенке!!!»

И смертник встаёт... Он, далёк..
К сознанью, в скользящей ленте,
Он бурю событий привлёк,
Впитал их — в одном моменте.

И, вот... будто сброшена с плеч
Обуза ненужной жизни.
И, гордый! он гневную речь
Излил на врагов Отчизны: —

— Кончайте, мерзавцы, «допрос»!
Вы думали, — я погибну?!
Вы тело убьёте! Я — Росс!
Я русскому верен гимну!

А душу!.. Ты! — душу не взял!
Стреляйте! Но, помните! Скоро..

Стволы изрыгнули залп.
И, в дыме, сгоревший порох.

Настрожив упругость курка,
Убийцы шагнули ближе..
У трупа скользнула рука
По свежей кровавой жиже.

В РОЩЕ ОСИНОВОЙ

В роще осиновой — горькой,
Юных красавиц чета,
Плача, любуется зорькой...

Блажью какой замечтал,
Бедный поэт!
Об осине!?
Сколько вокруг красоты!
Небо глубокое сине.
Розы чудесной кусты.
Деньги, любовь, наслажденья! —
Тему любую бери.
Звуками райского пенья
Людям стихи подари!

Ладно. По-райски напишем. —
Прямо у райских ворот,
К столику, рядом с афишей,
Тянется бедный народ.

Нужно заполнить анкету:
Званье?
Занятье?
Кредит?

Партия ? — нужно к букету.
Связи ? — оно не вредит.

Пишут ответы, бедняги.
Тесно словам и годам
В строчках анкетной бумаги. —
Пишет иной по-складам.

« Земли пахали мы, сроду.
Сеяли. Тяжким трудом
Хлеб добывали народу, —
В нашем столетье крутом. »

« Земли ж и наша работа
Выдалась в каждом роду.
Бились до сотого пота —
Уголь копая, руду. »

« Наша работа — железо. »
« Наша — тайга и леса. »
« Камень — где земли без леса. »
Каждый с Трудом на весах.

Пишут, бедняги, ответы :
Роза — колючий цветок.
Дорог он — батюшки светы —
Каждый его лепесток.

Небо не манит уж снами.
Нынче иной ветерок :
Джеты грохочут над нами
Сотней булыжных дорог.

Небо... — оно из фабричной
Выползло дымной трубы.
Чёрной стальной, иль кирпичной.
Синим, каким, голубым
Может оно и бывает...
В Индии, или в раю.
В нашем же, « в ра́звитом » крае —
С трубами небо в строю.

Деньги — мы делаем вечно.
Только, не наши они.
Худо без денег, конечно.
Хочешь — давись, хошь — тони

Любим мы очень... И много.
Любим не хуже людей.

Только, преследует строго
Нашу любовь лиходей.

Знаем. Вина, наслаждений
Море! Иным хорошо.
Деньги! Проклятые деньги!
Счастье не купишь грошом·

Вдруг, началась заваруха!
Бедных с дороги теснят:
В зубы! которому, в ухо!
Хлопцы с дубинкой не спят.

К стенке прижали колючей.
Дали острастку старью.
Знай, мол, на всякий, на случай —
Держим дубинки в раю!

Очень в раю суетятся.
Очень! Мученье одно!

«Праздника ровно бы в святцах
Ныне никем не дано...» —
Шепчет молитвенно бабка.

Вышел жандарм из ворот.
В пальчиках синяя папка.
Строго взглянул на народ!..

Глянул! И, строго — престрого,
Молвил: — «Нишкни у меня!
Если какая сорока —
Пикнет! Получит ремня!
Праздник особый сегодня!
Скоро, сюда, в небеса,
Явится новый угодник —
В мире творяй чудеса.

Встретить с почётом! С поклоном! —
Схимника грешных пустынь..
Иже, с церковным каноном,
Встреча мощей и святынь!»

Едут, родимые, едут!!
Нужно бы грянуть — ура!
С хлебом бы! С солью! Да где тут!

В небе открылась дыра.
Видно, по свежему следу:
Едут из грешной земли..

« С у́тра подъезд размели! » —
Бабка шепнула соседу.

« Эка, развесили уши!
Сдайся назад!
Осади!
Черти! »

Помилуй! Послушай!
Стенка ж стоит позади!

Ближе разгонистый топот.
Строже жандармов посты.
Сдали ещё.
Перешёпот
Слышен в рядах бедноты: —

« Ухарь!
Развесили уши!?
Сами-т, живя на земле —
Попусту били баклушки..
Здесь оказались на зле.. »

Тройка Ильи подкатила.
Крепко промазал Илья!
Это ж — всему воротила,
С целою шайкой жулья!

Тоже!
Святые!..
До рая!..

« Тише, старьё! Не мели!
Родина это вторая
Граждан примерных Земли. »

Граждан!? Примерных! Поди ты!
Тоже... « Угодник! » Толкуй!
Первые это бандиты!
« Прибыло в нашем полку! »

Лозунги быстро достали.
Дайте ж взглянуть!
Далеко!?
Кто он? Братишки!
Да Сталин!
Слышишь, поют « Солико́ ».

Настежь ворота. И ключник
Встретить гостей семенит...

Батюшки светы!
Ах, сучьи..
В рае злодей знаменит!

«Стойте! Забыли анкету! —
Бедная бабка кричит
Самому главному «шкету».

Прутся!
По-блату!
Грачи!!

— Нешему брату не ровня. —
Бабке ответил сосед. —
Наших хоронят на дровнях,
Этих...

Но, говор бесед
Грубо прервал косорылый
Райских хозяин работ.
Список расправил: —
Гаврило!?
Власий!?
Меланья!?
Федот!?

Каждого в списке отметил.
Каждого взглядом пронзил.
Вызвал, путём «междометий»,
Троицу сонных верзил.

С ними и шарится между
Бедной анкетной толпы.
Крутит. Теребит одежду.
Знали порядок, дабы!

Словно бы в партии сотник,
Каждого пальцем пихнул:
В прачки!
На кухню!
На скотник!
Быстро!! — И палкой махнул.

Дремлет, нетронутый зорькой,
Город далёкий — Чита.
В роще осиновой — горькой,
Тихая бродит мечта...

В листьях заплаканных ищет
Пепел сгоревших надежд,

Веры своей пепелище,
Клочья хоть — прежних одежд.

ЩЕНЯТАМ

Где душа? Под «чоки» рюмок
Иссучилась в плётево.
Я на всё смотрю угрюмо.
Лишь на вас приветливо.

Оттрудив свою неделю,
Я деньгам не кланяюсь.
Никому уже не верю.
Ничему не радуюсь.

Подливай одной перцовой!
На роду нам гадано: —
Закусить пчелой свинцовой,
Без попа, без ладана.

И душа, под «чоки» рюмок
Истянулась в плётево.
Я на всё смотрю угрюмо.
Лишь на вас приветливо.

Тяжело и тревожно. Тревога в груди.
Невозвратное вижу в тумане..
Пустота позади, пустота впереди.
Погорели надежды в обмане.

Почему же тогда — занесённую смерть
Малодушно рука разжимает?
Не страшнее былого она. И теперь
Не больнее. Так что же пугает?

Не страшись! В неизвестность дорога одна.
А «Житейское море» постыло.
Постучись у калитки Предвечного сна!
Всё равно — ожидает могила.

ВЕТРЫ И МЫ

Был ветер, сильный ветер над Россией.
Рвалась броня, как в бурю паруса.
Взялась Россия — Господи, прости ей! —
Исправить бег Исторьи колеса.

И много рук тянулися к штурвалу,
Давя друг друга, мантии деля.
Корабль несло безудержно к провалу.

Октябрь. В народ пришли учителя.
И чинно все уселися за парты,
Усвоить Карла-Маркса «Капитал».

Со смертью смерть играющие в карты —
Учили жить... Свободы не видал
Народ. Погиб подраненный учитель.
А всем его соратникам — расстрел.
Молчим, товарищ!?
Лучше, помолчите!
Порядок старой школы устарел.

В крутой урок, почти двадцатилетний,
Редеет «класс». Премудрый постарел.
Устал и он расстреливать по сплетне.
Устал народ являться на расстрел.

А тут, экзамен немцы навязали.
Опять в России ветер буревал.
И в «класса» — смертью вытоптанном — **зале**,
Зиял великий сталинский провал.

Москва!! Но, немцам *дали* от заветных
Чужих ворот — бесславный поворот. —
Ценой судьбы героев неприметных.
Опять — Россию вызволил народ.

А я и ты, Россию потеряли.
Для нас не молкнет ветер штормовой.
Ну, как дела, Бродяга?!
Ты ли, я ли,
Возможно нас не любит Домовой.

Другие ветры... Встречный иль попутный
Уже души моей не бередит.
Другое снится... Тихий, непробудный
Всему покой, — я вижу впереди.

ДОРОГОМУ СОПЕРНИКУ

Мне очень понравились Ваши стихи.
Я вижу, Вы юноша пылкий.
Мы с Вами — осколки от разных стихий.
По разному чешем затылки.

Но любим не разно. И любим одну.
Едины желанием скромным:
Губами прильнуть лишь к одежд полотну,
И слиться со счастьем огромным.

О, часто читаю я Ваши стихи.
Душевный Вы, юноша! Пылкий.
Я тоже мечтаю под тенью ольхи
О жизни... С ареста до ссылки.

ДУМЫ «БРОДЯГИ»

Судьба. Судьбинушка людская!
Осмотришься голы́м-голо́.
В прогулках — шлюха городская.
В домашности — вина галлон.

В обличье хмурое бродяги
Вжимаешь. Сторонишь людей.
Ночуй собакой у коряги!
Живи без никаких идей!

Судьба... Судьбинушка ты волчья!
Зачем кривляешься, змеясь?
И учишь — радоваться молча.
И учишь — горевать смеясь.

БЕЗ ОЧКОВ

Я, однажды, жизнь врасплох застал.
Был без розовых очков. И что ж
Я увидел: — как она проста!
Друг на друга, братья точат нож.

И навек утратил я покой.
Правду, друже, тяжело найти.
Потеряв очки, идём с Тоской,
Будто два бродяги, без пути.

4. ФАНТАЗИИ

ПОЗДНЯЯ РОЗА

О чём-то плакала...
О чём ?
О лете ?
Может быть, о мае ?
Что грач не ссорится с грачом ?
Что шмель её не обнимает ?

И в дождь, и в снежную кисель
Она раскрылась.
Одиноко
Цвела..
Снежинок карусель
Вокруг.
Ужасная морока !

Дождя слезинки в лепестках
И звёзды снежные.
Сурова
Судьба последнего цветка.
Родная — страннику без крова

Она —
Из рода королей !
В дожде, в снегу..
И мне казалось —
Цвела в прозрачном хрустале.
Нежна, хрупка,
И... задыхалась.

ТРЕВОГА ЗА ЛЮБОВЬ

Я обрываю венчик ромашки.
« Любит ! Не любит ! » — шепчу.
Тише вы, тише, шумные пташки !
Счастья... Я счастья хочу.

Венчик оборван. Стебель отброшен.
Дождь надо мной моросит...
Кутаюсь в плащ. Ноги в калошах.
Как в октябре, на Руси.

Сердце, уймись ! Не вечны и зимы.
Хлынет весенний поток.
Вновь принесут с цветами корзины.
Белый куплю я цветок.

Раньше, чем первый выпорхнет птенчик,
Песней зальются чижи, —
Вырву ещё раз беленький венчик : —
« Любит ? Не любит ? » — Скажи !

Берём ли лодку напрокат,
Моя попутчица ?
Любовь, конечно, далека. —
Да кто ж поручится !

Летим, летим на быстрину
По Волге ль, Дону ли !
А ласки нежную струну
С тобой уж тронули.

Любовь же случаю верна,
С его капризами.
Но, ласки нежная струна —
Аккорды вызовет.

Живём ! Разгул ли у цикад,
Поёт ли Собинов.

А в море, будто бы, закат
Красив особенно.

Где, в волны, солнца затонул
Последний краешек, —
Разит Архангел Сатану
Мечом карающим...

Ещё колышется жарок
Над той лагуною,
Ещё он кажется широк
С судьбой секундною,

Покуда волны не замрут
С любовным лепетом —
Там вспыхнет лучик-изумруд
Над этим трепетом.

Мы брали лодку напрокат.
Я был попутчиком,
Поверив в ласку, и в закат
С зелёным лучиком.

ПРИВЕТ

Она б зажглась, порадовав не вчуже,
Почти одна — рождения заря.
И праздник наш не выглядел бы хуже.
Но, всё смешали два календаря.

Не важно, впрочем. Разные дороги
Сошлись для нас. И вырос новый путь.
Весну иль осень встретим на пороге —
Весной звучит взволнованная грудь.

С Востока я. Красивые ли рикша
Цветы доставил? Выбери любой!

Привет тебе!
Привет тебя родившей!
Привет — привет рождённому тобой!

Одно хочу, чтоб добрая улыбка
Всегда цвела у милой на устах.
А в прошлом всё, нерадостное шибко,
Поблекло там — в прочитанных листах.

У РЕЧКИ БЕЗ ИМЕНИ

Будьте здоровы! Спасибо, дружище!
Выбрав часок у короткого времени —
Съехались. Свиделись.
Песен поищем
В этой избушке, у речки без имени.

Песен о чувствах не сказанных словом.
Пели с тобой их, бродя перелесками.
Ночью они откликалися совам,
Утром играли рыбачьими лесками.

Бедный рыбак! Онемел... И не дышит...
Молится, даже, возясь у коряжины.
Думает: — «Славный подарок Марише
Будет ушицей из ЭКОЙ стерляжины!»

Бедный рыбак! Но, его мы утешим
Песней родившей хорошее дружество.
Песней — ходившей и конным, и пешим
Строем. Познавшей и славу, и мужество.

Слушай, река! — глубиной не до пуза.
Песен хороших друзья повстречалися.

С ними Марина, Павлушка, и Муза —
Жарились, ели, и знатно купалися.

НЕИМЕНИННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Знаешь, голубушка Муза,
Влей-ка в житьё да бытьё
Капель житейского груза
Больше, чем сердце твоё!

В людях не станет убытка.
Жизнь же, пойми, не сложна: —
Тянется тонкая нитка...
Где-то порваться должна.

Можно порыв и ускорить.
Влей-ка в житьё да бытьё
Лишнюю капельку горя.. .
Нитка-то — сердце твоё!

Высчитать днями рождений
Беды свои — мудрено.
Ткали ль, вот, светлые тени
Нам золотое руно?

К Богу их! Ткали, не ткали —
Тканного нам не носить.

В ситце она иль в миткали
Тянется хрупкая нить
Наших надежд и желаний,

Веры в судьбу и в звезду,
Жертвы — напрасных закланий,
Где им конец ?!

На роду
Будто бы пишут об этом.
Пишут, а знать не велят.

Значит, врачующим светом,
Ежели души болят,
В дружбе, вражде, и с приветом —
Нужен прощающий взгляд.

ДРУЗЬЯМ НА СЕРЕБРЕНУЮ СВАДЬБУ

Серебреный, от свадьбы, юбилей
Встречать приятно.

В аллее серебристых тополей
Танцуют пятна
Лучений от смеющейся Луны, —
Марине, Косте.

И счастия носители — слоны
Шагают в гости...

Приветы... Церемоннейший поклон
Подруге.. Другу....

Мариночке, (расчувствовался слон) —
Целует руку.

И, дружести, Костюшу по плечу
Огрел слонюга !

Меж нами : я, конечно, не хочу
Такого друга.

Рассаживаясь, сплюснули диван,
И пару кресел.
Ну, право же, индийский ветеран
Премило весел.

А слон и церемониться не стал.
И очень скоро,
Упарившись, с бутылками глотал
Он « Кока-Кола ».

Проснулся я от неуклюжих снов,
И крикнул зычно : —

Охайо с Индианой без слонов
Живут отлично!

Схватил я поздравительный пакет,
Пишу: — Великий
Мариночке и Костеньке ПРИВЕТ!
Сереброликий!

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ М. Б.

У корявой седой ольхи,
На скамейке поросшей мхами,
Я давно не пишу стихи.
Не мечтаю давно стихами.

Охладеть ко всему успел, —
Не боясь от людей конфуза.
Не поймут?! И пускай себе!
Вот с упрёком посмотрит Муза...

И иду я к ольхе седой.
На скамью с порыжелым мохом,
Где когда-то дружил с мечтой, —
Опустился с невольным вздохом.

Мне кивнула ольха, — «Привет!»
У ноги — муравьёв пехота.
А в росистой ещё траве
Самоцветы рассыпал кто-то.

Я смотрю на волны прибой,
На волнистые крылья чаек...
Пробежал куличок рябой...
И на сердце моём легчает.

И пишу я своей жене: —
Поздравляю «с рожденьем», детка!
Я хотел бы сказать нежней,
Но, ты знаешь... я нежен редко.

Ну, жури! Не сердясь жури
Ты меня за дела такие.
Но твоей и моей зари
И восход, и закат — другие.

Пожури, пожури ещё,
За стихов неумелый росчерк.

Но, когда засверчит сверчок,
Помечтаем-ка, Муза, проще.

Мы живём, как живёт ольха.
И растим, и опять теряем.
И чудим, — что таить греха! —
Соблазняясь каким-то раем.

Не желая других прощать,
Мы хотим, чтобы нас прощали.
Одиноко в груди стучат
И твои, и мои печали.

Потому и в руке рука
Не теплеют, а зябнут разно...
И когда заметёт пурга,
И когда на дорогах грязно.

О, поверь! Я всегда хочу
Приласкаться. Прижать нешибко
И головку твою к плечу.
И в глаза посмотреть с улыбкой.

О превратной своей судьбе
Перестанем, давай, судачить.

Дорогая моя, тебе
Я желаю во всём удачи.

ВСЕВЫШНИЙ И ДВОЕ

Вечереет...
И ветер воет
У дверей, у окна, в трубе.
А в тепле, у камина, двое —
Говорят о своей судьбе.

Разгораясь трещат поленья...
И скользит, чередою дней,
По его, по её коленям,
Золотая струя огней.

У судьбы не возьмешь *любое*.
И она не придёт сама.
Понимают ли это *двое*?
Подберут ли к судьбе слова?

Разгораясь трещат поленья...
И, от чаши даров богам,

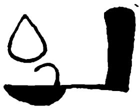
Уголёк, просфорой моленья,
Отскочил... И упал к ногам.

И сошлись говорящих взгляды.
Протянулися две руки...
И далёкие — были рядом,
Как потоки одной реки.

Пусть Всевышний поленья лижет
Языком голубых огней.

Ты! — подумай о нём. Смотри же!
Ну, а ты — помечтай о ней!

Свечерело.
А ветер воет
У дверей, у окна, в трубе.
И беседуют эти *двое* —
О твоей и моей судьбе.

Подняв в глухую ночь,
Меня на казнь вели
Две Музы: неба дочь,
И злая дочь земли.

Пришли в дремучий лес.
Срезая первый пласт
Меж лип, — я видел блеск
Холодный серых глаз.

Проходит ночь потерь...
И шепчет добрый чёрт: —
Лежи — лежи! Теперь,
Для всех друзей — ты мёртв.

ГЕОРГИЮ ГРЕБЕНЩИКОВУ

Когда я умру, а умру я скоро,
Едва зацветут акации, —
В открытом окне шелохнётся штора...
Предайте меня кремации!

И, в пепел войдя, отделясь от пламени, —
Я лягу на крылья ветру.

Изгнанника сердце не стало каменней.
Любило. Тянулось к свету.

От Балтики самой, до самой Украйны,
К Китаю, в моря японские, —
Моё! Всё моё! Не ищите тайны, —
Я земли люблю чалдонские.

Туда и упасть, (из того же праха ты,)
Такая была б удача!
К любимой прильнуть, к чернозёму пахоты,
Целуя, смеясь, и плача.

ЖИЗНЬ

Дом с освещёнными окнами.
Полон, конечно, забот.
Окна прикрыты полотнами.
Дом неизвестных господ.

Взгляду не сладить с гардинами.
Мыслью б туда проскользнуть,
В комнату... в эту... с картинами.
К бархату тенью прильнуть.

Дуб, канделябры, и бархаты, —
Милый старинный покой.
В кресле найдёшь патриарха ты,
С книгой — ему дорогой.

В кресле — качалке, с вязанием,
Дремлет подруга его...
Разве ж найдёшь описанием
Нужные краски всего.

Трудно. Но, трудное велено.
С медным огромным челом,
Маятник медленно — медленно
Ходит за толстым стеклом.

Будто укладкою в лестницы, —
Время ему не вода, —
Дни на недели, на месяцы,
Месяцы вывел в года.

Высчитал радости, горести.
Бархатным тоном отбил.

В книгу неписаной повести
Каплями жизни сцедил.

Полночь. И струнной октавою: —
Бам-м-м! Бам-м-м! Бам-м-м!

Ста́рость сравнима со славою.
Годы — равны орденам.

Книга отложена. — «Олюшка!?» —
С кресла встаёт старина.
«Вычитал: сколько же горюшка
В мире! И наша вина.»

«Дремлешь?» — спросил у супруги,
Нежно склоняясь супруг.
Ложит ей руки на руки...
Вздрогнул от холода рук.

Вздрогнул. Вгляделся до боли.
Медленно выпрямил стан...
«Царство небесное Оле!
Радуйся, ради Христа.»

Стал он за эти минуты
Даже душой седовлас.
«Оля! Меня-то кому ты?
Боже! Зачем бы не враз?»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В Южно-Африканском Союзе

Мать баюкает дочь: —
Спи, детка моя!
Я не сказку тебе пропою.
Рождены я и ты не для сказок.
Нам в тревожную ночь
Не светит маяк.
Как в чужом — мы в родимом краю.
Путь отверженных — гибельно вязок

Спи, малютка, усни!
Бог деток хранит.
Я и плачу, и песню пою
Об одном: ах! да ох! собирая...
Ночь. И плачь, и взгрустни,
Душа — не гранит·

Ну, малюточка, баю — баю!
В счастье б нам... Погостить хоть у края.

Спи, родная, пока!
Спи! Горечь придёт,
Я тебе и об этом пою.
Умирать так и так на дороге.
Жизнь готовит капкан,
И путы прядёт
На беду и твою, и мою..
Жизнь поднимет от сна — по тревоге.

УТРО СОЛНЦЕ И СИЛЬВА

Утро. С вечера шумная улица
Стихла, пустуя. Как будто уснув.
Только, улица скоро пробудится,
С грохотом прежним, тревогой дохнув.

Солнце. К солнцу, прощаясь с прохладою
Ночи, туманы плывут над рекой.
Солнце дружит с избой и с палатою.
С каждым. И славится щедрой рукой.

Солнце! Сильва тебе улыбнулася, —
Вяло поправив причёску свою.
Если б к Сильве да юность вернулася...
Девушке юность — что сад соловью.

Бродит Сильва бульварами, парками,
В тёмный себя затянув сатинет.
Сильве б косу! Да с лентами яркими!
Сильве ж ещё и пятнадцати нет.

Ходит Сильва к бродягам и пьяницам.
Нынче, в аллею пришла тополей...
Может Сильва сеньору приглянется...
Только бы сытой побыть, да в тепле.

Бродит Сильва в аллеях, за дачами.
Песней не встретил её соловей.
Рано, рано простилась с удачами,
Юная, горькая в жизни своей.

Утро. Солнце весёлое яркое,
К каждому с пригоршней светлых щедрот.
Вышел булочник, старчески шаркая,
Вышел.. И замер у первых ворот.

В ярком солнце, под серыми стенами,
Будто вздремнуть прилегла на часок...
Это — Сильва!
Со вскрытыми венами! —
Юность свою пролила на песок.

С ВЫСТАВКИ МОДЕРНИСТА

В пробоину туч упала Луна,
В прозрачную глубь, на дно.
А, знаешь, та глубь — горька, солона...
Готовит нам смерть, давно.

В бездонной глуби, под толщей веков,
Есть тайный великий пруд.
Лежит на камнях его берегов
Гигантский холодный спрут.

Запрятана смерть в бездонной глуби —
Земле, за её труды.
Картину сию люби — не люби,
Но, бойся такой воды.

В пробоину туч упала Луна,
В бездонную глубь, на дно...
И рябью дрожит волна-пелена.
А дело её одно:

Однажды, в ночи, запенится пруд...
В тумане густом — густом
И выйдет хвостатый, в холоде, спрут...
И Землю проткнёт хвостом.

ФАНТАЗИИ

Я чалдон. Я выходец из Азии.
И всегда, в раздумочке любой,
Я найду немножечко фантазии,
Розоватой, или голубой.

Но, мечты живут, а не сбываются.
Так в горах: родные голоса —
Лишь далёким эхом отзываются...
Да шумят задумчиво леса.

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА СЕНТЯБРЬ И Я

Богатеет шинкарка — лоза :
Виноград уродила, не трости !
Я скажу, за глаза и в глаза, —
Собираюсь к молодушке в гости.

О ! тяжёлую каждую гроздь —
Не ищу сладковатых прелюдий, —
Не захватишь в открытую горсть,
Как молодки упругие груди.

Я не знаю, с любви, иль с тоски,
На лозу я гляжу и хмелею...
Уж земные проспекты узки.
Прорубить что ль к созвездьям аллею ! ?

А сентябрь потрясает мошной !
И шумит, и гудит над поэтом...
И какой же ты, братец, смешной !
Не держать же любовь под запретом.

И чудесит сентябрь по листве...
И чеканит её в золотую.
И с удачи в своём баловстве,
На пирушку зовёт холостую.

Ты, шинкарка, стройна и нежна.
О, в своём назначенье высоком, —
Не скупись ! Для чего рождена ?!
Для чего наливалася соком ?!

Не смущайся ! Люби и шали !
Нищету не страшат непогоды.
Пропиваем свои кошели !
И пропьём вековые доходы !

И смелеют рука и глаза...
Ой вы, люди, счастливые люди !
И, клонясь, уступает лоза...
И сосу я сочащие груди.

И чудесит сентябрь по листве...
И чеканит её в золотую.
И с удачи в своём баловстве,
На пирушку созвал холостую.

ХОЛОДНЫМ МАЕМ

Выдался ж годик ! Весной и не пахнет.
Солнце, несмело, глянет едва, —
Снегом иль холодом, смотришь, и жахнет !
В почках деревьев стынет листва.

Гнёзда не вьются. Среди насекомых
Зимняя спячка. Нету весны.
Нету и запахов с детства знакомых,
Терпко смолистых — пихты, сосны.

В холоде этаком, в вечер не вешний,
Перед окошком, вместо сосны,
В буйном цветении, ветка черешни
Тихо качнулась — флагом весны.

Машет рукою...Приветливо машет.
Слышу и шёпот : — К первой тропе,
Выйди !.. Иди на свидание к Маше !
Девушка эта верит тебе.

Солнце спускается ниже и ниже...
Вемя идти бы... Время... Закат...
Шепчет и ветка : — Иди ! Да иди же ! !
Встретишь... И сразу — счастлив, богат !

Полный раздумий, стою и внимаю
Шёпоту счастья... Стук колеса
Слышен.. Простил я холодному маю.
Падает тихо — тихо слеза...

О СЧАСТЬЕ

Друзья мои ! В горячности, и в споре —
Найдём ли нужный каждому ответ ?
Слова мертвы — коль сердце на запоре.
Когда слова с желаньем не в родстве.

Но, счастья... Счастья нужно бы с крупицу.
С крупичку нужно б... То-то и оно !
Поймай поди-ка стреляную птицу !
В штанах оно бежит ? Иль в кимоно ?

Мои друзья ! Вы искренним участьем —
Тоску в моей трёвожите груди.
Всегда, всегда мы гонимся за счастьем.
Оно ж, всегда, немного впереди.

ВО ХМЕЛЮ

Чистоту ты развенчала.
Не допела до конца
Песню — петую сначала
В маске скорбного лица.

Восхитительные музы
Разлетелись. Мир живой
Выбрал жалящие узы
Только страсти огневой.

О невинности, из песен
Не подходит ни одна.
Плюнем в нравственности **плесень !**
Выпьем, цыпочка, до дна !

А за первой, и другую,
И несчитано нальём !
Нынче разумом торгую.
Спьяна хвастаюсь быльём.

И нескромности у любы,
И объятия, и стон,
Продал, кажется, кому бы !
Стоит ровно миллион.

От судьбинушки собачьей,
(Ни двора, и ни кола) —
Чтобы выглядеть богаче,
Скинь одежды, догола.

Забирайся на колени.
С поцелуями прильни.
Гибну с чёртовых томлений.
С грусти этой. И с гульни.

* * *

Пустая жизнь. Пустая !
Нет правды в ней, поверь.
Всё брось ! И не мечтая,
Захлопни эту дверь.

КИНЖАЛ

(шутя)

В годы чадных керосинок —
Славился кинжал.

Мир убийственных новинок
Вырос. Возмужал!

Прежним гиканьем и свистом,
С удалью ночей,

Вряд ли, во́-полюшке чи́стом
Сгонишь и грачей.

Милый, это устарело.
Лишняя возня.

Нож — нестоющее дело.
Попусту казнят.

Нынче способы почище.
К зависти ворам, —

Грабят страждущих и нищих
По договорам.

Днём, при солнышке, при свете,
В стадо едет волк
В бронетанковой карете.
Стражищи за полк!

Если договор « нарушен »,
Можно убивать.
Только, ножичек не нужен.

Грабящая знать
Кликнет парочку « учёных » —
Стоющих убийц!
Все рецепты там учтёны.

Кланяйся им ниц!

СТИХИ

Знаемы редкой причиною дружбы.
Но — ведь и дружба редка.
Друга искать за словами нет ну́жды,
Друга узнает рука.

РАК

(шутка)

Вознесся Рак. С товарищами раками
Простился он, клешнями вороша.
Сдружился *там* с небесными собаками,
Попятный Рак — созвездия паша.

Упёрся Рак рогами полумесяца
В бегущих туч влюблённую толпу.
Грозится им : — кто балует, кто бесится, —
Привяжет всех к полярному столбу.

Упёрся Рак глазёночками рачьими...
Степенный Рак не любит кипятку.
А тучки льнут... И ласками горячими
Прижали враз к девичьему садку.

Попался Рак в любовную историю.
Знакомы нам влюблённых антраша.
Зачем вползал в гостиницу « Асторию »,
Влюблённый Рак ? ! Созвездия паша.

МАЛЕНЬКОМУ ДРУГУ

(сыну Леонида П.)

Виталичка, ты чудный мальчик.
Иди ко мне, малыш !
Будь счастлив !
Я налил стаканчик
По венчику...
До крыш !

Не ровня мы с тобой, коль скоро,
В годах моих « изъян ».
Мне думается — лет на сорок.
Забавные друзья !

Мне странствия по белу-свету
Пора кончать.
Ну, что ж !

Ты вырастешь...
И книгу эту —
О Родине,
Прочтёшь.

5. ЗАРНИЦЫ

МАТУШКЕ

От крика первого, у первой груди,
От ласки первой, матушка, твоей, —
Люблю тебя. И по вселенской чуди,
Любя, — я выжил. Вынес суховей.

Входил в огонь, и в ледяные воды.
И смерть меня держала за грудки,
Смеясь! И ада грохотали своды.
И счёты с жизнью были коротки.

Но, верно, матушка — вверяясь чуду —
Молилась Богу слёзно, горячо.
Свою молитву опуская всюду,
Рукой защиты, сыну на плечо.

И смерть бежала от своей добычи.
Тобой спасённый, выиграв в судьбе,
Я, помня детства дорогой обычай,
Крестил себя, с молитвой о тебе.

Прошли бои. А я ушёл из милой
Земли родной — за тридевять земель
Связал себя необоримой силой
Сомнений разных, в липкую синель.

Мечты и жизнь не заодно с поэтом.
В пути — пята не сходится с пятой.
Не стою, матушка, я, видно, в этом —
Твоей любви апостольски святой.

О ЛЮБВИ

Смешно бы, кажется, любить —
Когда идёт шестой десяток.
Пора, пора бы не глупить.
Не ждать весны, волшебства святок.

Спешить к любимой — и устать
В пути... Питье ж любви тревогой
И силой — юности под стать,
Желаньем многим, верой многой.

Седой не может, ни к лицу,
Влететь — таким кипучим фертом,
К любимой. Прямо ко крыльцу!

Одень свою любовь конвертом,
Пускай знакомый почтальон
Его отдаст желанной в руки.
Почтарь от тайны удалён.
Равно разносит радость, муки.

Любовь, ведь, с норовом крутым,
Приходит к старым, молодым,
Вдохнёт в тебя огонь кипучий,
« Пляши! » — велит, по краю кручи.

Пляши, влюблённые, пляши!
Лови момент! Ищи удачи!!

А старым хочется в тиши
Любить. Страдать... Решать задачи

Судьбы превратной. А в тиши —
Большой судьбой себя не мучай.
Учись откладывать гроши
В кошель нужды, на всякий случай.

Любовь немного смущена.
Слабей певец — слабее Лира.
Потом вмешается жена: —
Куда идёшь? Куда, транжира?!

А нет заботливой жены,
Придут друзья, придут соседи, —
И нет любви и тишины.
Учить начнут: « Аз! Буки! Веди!.. »

Зачем связались с молодой?
(В усы заткнут свою улыбку.)

Зачем ? Хороший, золотой !
Очистит Вас она, как липку !

Она ж, поймите, молодая !
Готовит Вам одну беду !

И я задумался... Куда я ?
К чему стремлюсь ? Куда иду ?

А сердце любит. О весне
Мечты поют... Душевный трепет
Растёт и ширится. Во сне
Ловлю её бессвязный лепет...

Она... Да солнечная Русь.
Курорт Шира с курортом Гагра.
Силён я ! Молод !.. А проснусь, —
Сверлит меня моя подагра.

С подагрой сладишься, уже
Скребут десяток новых болей,
Нещадно ! В злобном кураже !
И жизнь глядит опять неволей.

И, вдруг, припомнился пустяк :
Ведь я люблю её такую, —
Понявшие меня простят,
Ведь я о той любви тоскую,

Какой любимая была,
Тому назад, за тридцать вёсен.
Стремилась к праздникам, балам.
И нам не снилась даже осень.

Сегодня, может быть, она
Скрывать не стала прядь седую.
И любит новые тона
Одежд, и чувств. И жизнь иную.

Смешно бы, кажется, любить
Когда идёт шестой десяток.

Могу ль я, люди, позабыть
Её... Забыть Любовь... Нельзя так !

Любя, я очень понимаю : —
Лета идти не могут вспять
К тому — разрушенному Маю...

И я природы не ломаю.
Чайку попью... И лягу спать.

ГОРНЫЕ РУЧЬИ

Люблю я горные ручьи.
Бегут они играючи.
Вот в безду, с выступа у скал,
Звенящей россыпью упал.
Разбился вдребезги, и рад
Осыпать в брызги виноград.

Порою спрячется от глаз,
И дразнит, выдумщик проказ.
То детским лепетом в ночи,
То лаской девичьей — журчит.

И, снова вынырнув, ручей
Зальется песенкой звончей.
Разбросит струи, соберёт,
И камни ими обовьёт.

К кудрявой заросли кустов
Уже он рвётся. И готов
От жарких солнечных лучей
В прохладу спрятаться ручей.

И там, наряд блестящий свой
Сменив, зелёной полосой,
Меж бурелома, веток, пней
Шумит и крутится, как змей.

КАПУСТНИЦЫ

Над осенним морем зелени,
Снежно — крылыми весельями,
То взвихрится, то расстелится —
Белых бабочек метелица.

Что-то радостное кружится...
Заучи их танец, лужица!

Был я пасынком у младости,
Не вкусил веселий радости.
Не понять вам этой разницы,
Беззаботные проказницы.

Никогда вы не расскажете
Про весну — осенней пажити.

НАД РЕЧКОЙ ЧАНЬЮ

Журчат ручьи, журчат скворцы,
И нет конца журчанью.
И нежный цвет набрал нарцисс,
Над чудной речкой Чанью.

Гроза червей, весёлый грач
Идёт по свежей пашне...
Весной тревогу прячь-не-прячь —
Вся жизнь тревогой пахнет.

И звон подков, и стук арбы,
И всплёск над речкой слова,
И шум детей — босой гурьбы...
И снова, слышишь, снова :

Журчат ручьи, журчат скворцы,
И нет конца журчанью.
И нежный цвет набрал нарцисс
Над чудной речкой Чанью.

ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С СОВРЕМЕННИКАМИ

Всё кричат : — При звезде, при Луне
Не вздыхай ! Не созвучно эпохе !
Человек-де культурный вполне,
В пустоту не расходует вздохи.

Я простился. Ладонь о ладонь
Современников умных похлопав.
Мол, валяйте ! В нещадный огонь
Старины бестолковой холопов.

Заплатив современникам дань,
Я спешу, — коль удастся прогулка :
Захватить предрассветную рань,
Подышать тишиной переулка.

Не волнуйся ж ! Замедли шаги.
Да присядь, вот, у лунных дорожек.
И под ласковый шорох шуги,
Разберемся — что сердцу дороже ?

Со звездою звезда говорит
О любви, что зовётся Мечтою.
А рассветное небо горит
Несравнимой ни с чем красотою.

И печалит, и радует грусть
О моей несложившейся доле.
Но, и дальше не сложится пусть,
Зеленело б родимое поле.

Вековечно шумела б тайга
О дорогах пробитых к рассвету.
О, конечно, любовь дорога́.
Но страданья дороже поэту.

И скрестил я с созвездием взгляд...
И не встретил ни лжи, ни затмений.
Лишь, блистая, они говорят : —
Не изменим тебе ! Не изменим.

Я теперь, по причине простой,
Современников умных жалею.
Для меня, ведь, рассвет золотой
Превратил переулок в аллею.

ВОДА ПЕРЕСЫПАННАЯ БЛИКАМИ

Лунный вечер и вода.
Никакого представления.
Будьте до́бры, господа,
Не впадайте в умиление.

Лунный вечер. И вода
Пересыпанная бликами.
Будто конников орда
Переступом, перекликами.

Лунный вечер. И вода
Переполнена полтинами.
Тянут — тянут невода́.
С серебриной, с золотинами.

Не трудитесь над уликами !
Вечно будет молода
Лунным вечером вода —
Околдованная бликами.

В этом тайны остриё :
Во Стамбуле, в Ватикане ли —
Духи добрые её
Молоточками чеканили.

ВЕСНА

Расскажи, с какими птицами
Возвратилась ты назад? —
Позлатив крыло зарницами.

Пробудила старый сад
Невозможным этим гомоном.

Иль земля тебе тесна?
Ты чертишь на льду изломанном —
Сторонись! Идёт *весна!*

—●—

С шумом, легкокрылых стая
Разместилась в тополях.
Душенька и сердце, знаю, —
Встрепенутся! Заболят.

Слышу крик влюблённых лосей...
Только, не апрель
В сердце мне тревогу бросил, —
С неба
Журавель.

—●—

Есть такие вечера в сентябре, —
Отражённые в воды серебре,
Угасают тихо — тихо...
Под листвой шуршит кротиха.
И Луна полтиной катит на ребре.

Под берёзками смеётся ручей
Над немолчной перебранкой грачей.
Все скорей густеют тени,
Все нежней волна цветений,
И все меньше в небе гаснущих лучей

Запастись-ка сушняком на костёр.
Заночуем у берёзок сестёр.
Отпылает огнь небесный,
Затрещит огонь древесный, —
Человек, любя природу, не хитёр.

ТЕНЬ МАШИ

Пускай это было давно.
Какой-то, несчитанной, частью,
Былое, сегодня, равно —
Навеки ушедшему счастью.

Треща, догорает свеча.
Сверчок говорит со сверчками.
Неясная тень у плеча
Маячит твоими руками...

Тобою любимых полос,
Мелькнула знакомая юбка.
И прядь расплетённых волос.
Ты шепчешь о чём-то, голубка ?

Зачем же ты плачешь, шепча,
Что видеть меня захотела...

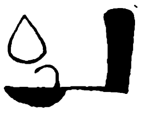
Рванувшись, угасла свеча.
И милая тень улетела.

Песни Маши,
Любимые ею и мной,
Я храню — ко всему охладев.
Песни наши...
Тревожней я с каждсй весной.
Мне нужней ваш тягучий напев.

Вечер мая.
И мы... И такая теплынь !
И Луна. И простор голубой.
Мать честная !
Струит молодая полынь
Аромат, так любимый тобой.

Маша, спой-ка !
Нам ночь коротать не впервой.
Оправданий тому не ищи.

« ... мчится тройка
Почтова́я... » И снова ямщик —
« Качает буйной головой. »

ВИДЕНИЮ МАШИ

Улыбнись мне так же тихо,
Как сейчас. Как давеча.
Чтобы боль души утихла,
Чтобы к сердцу злое лихо
Не входило баричем.

И твою улыбку эту,
(Я похож на жаденку)
Побродив по белу свету,
В кошельке иль « есть » иль « нету » —
Берегу, как ладанку.

И когда томим недугом,
На душе ль ненастится,
Я с улыбкой, словно с другом,
Пошепчусь... И враг напуган.
И теплеет на сердце.

В ЛЕСУ ОСЕНЬЮ

Какие краски осенью в лесу —
Не перечтёшь ! Такая роскошь !
Сентябрь всегда нарядится к лицу.
И хорошит его — берёзка ж !

И тот же лес, а полон новизны.
И не зовя к порочной сласти,
Его листва от бледной желтизны
Распалена до жгучей страсти.

Так кру́жат хлопья... Тихий листопад.
И огоньками лес заснежен.
Презвонко дятел выстукал набат !!!

А березняк — особо нежен.

ДЕТИ

Солнце. Песчаная мель.
Дети играют в лунки.
Маша сосёт карамель.
Витя глотает слюнки.

СМЕРТЬ

Раннего утра нежнее она.
Ласковей чем голубая волна.
Жизни правдивей. И друга верней.
Полного счастья — безмерно полней.

Так над кроваткой склоняется мать : —
Спатеньки, милая деточка, спать ! —
Шепчет она... И глядит на дитя.

С тополя тихие птицы слетят
В синюю даль, в запредельный туман.
Кончилась жизнь. И не нужен обман.

Восстав из моря-марева,
Из тех сторон.
Пришла, и в грудь ударила,
Как будто в гонг.

Лучистая, нагретая
Сошла в сады.

Ты ! — много раз испетая
На все лады.
Опять волнуешь, радуя,
И славишь день.
Дожди расцветив в радужья,
Поля в цветень.

В ЗВЕЗДНУЮ НОЧЬ

Хороши ночами глухомани !
Сон ушёл... Я тихо внемлю шумам,
И сиянью звёзд... И нет названий
Яснозвёздным легкокрылым думам.

От звёзды холодной, но горящей,
Вспыхнет в сердце пламень песни новой.
Задрожит строкой — такой манящей,
На разлапушке большой сосновой.

Глухомань таёжная бескрайна.. .
Слышен хруст в кустах, невнятный шорох. —

Затаилась в каждом шуме тайна.
Брось в костёр, для пламя, сучьев ворох!

По вершинам ветви шелестели.
Грезит ночь — идя тропою сказки...
В травяной душистый мех постели,
Тонет вздох о сладкой, в прошлом, ласке.

—●—

Люблю часы осеннего заката.
Леса одеты в новые цветы, —
Её цветы. Кто чувствами богата,
Кто в смерть вдохнула столько красоты.

Вокруг листва, и в пригоршнях, и вроссыпь.
Число богатств — несметно под ногой.
Сентябрь чеканил! Выменял на росы,
Катаясь в ступе с Бабою-Ягой.

Пожар небес! Величественный пламень!
Огонь над миром руки распростёр.
Сошлись они, как радуга над нами,
Как рыжий в медь окованный шатёр.

ДРУЖБА С БЕРЕЗКОЙ

Я дружил с молодою берёзкой.
Разлучали нас волны реки.
Но, я хаживал в лодочке броской
На свиданья — волнам вопреки.

Я к подруженьке трепетной гибкой,
Обуянный сумбурным стихом,
Приходил и с тоской, и с улыбкой,
И с молитвой... И, даже, с грехом.

Помогай, помогай мне, берёзка!
Разобраться в себе, помоги!

Розовеет восхода полоска...
Досыпает Барбос у ноги.

« Не бывает сомненье — заслугой... » —
Мне берёзка листвой шелестит.

И мечтал я с зелёной подругой,
Как с любимой, с восьми до шести,

От заката до утренней зорьки.
От молчанья до слова с искрой.
О дороге ненужной и горькой
Между Волгой и речкой Сестрой.

ЛИВЕНЬ

Тучи, тучи в беспорядке.
Тучи просто космачи.
Ни потёмки, ни лучи,
Ни распаханные грядки.
Мчатся в небе без оглядки.
А над ними гром рычит.

Кони — коники пророка,
Тройка борзая Ильи,
Размесила колеи.
Захлебнулась водостока.
Ливень выхлестал жестоко
Хутора.
Валяй!
Вали!

ЗАПИСКА СЕСТРЕ

В чудеса ты, пожалуй, не веришь.
Повидаться с тобой — поутру —
Я пришел. Так закрытые двери ж!
Застудил я себя на ветру.

Задержаться опасно. Не гоже.
Без конвоя, из западных стран,
Мы в родную Россию не вхожи.
Ты не веришь?! Не веришь, сестра!

И не нужно! Не верю я тоже.
Но, на всякий на случай, такой,
Рассудив, задневал я в остожье,
У границы. Под самой тайгой.

О, родимая! Только сознанье,
Что тайга — и тайга ведь сестра —
Научила меня: — все скитанья
Я пройду, переспав у костра.

ПЕЧАЛИНКА

Догорел пожар осиновый.
Ветром сорвана листва,
И к палатке парусиновой
Сметена — для торжества.

Холодает полдень солнечный.
Грустны птичьи голоса.
И неприбранные « горничной »,
Запечалились леса.

И к моей душе печалинка
Липнет — ласкова, нежна...

Человеку, где прощалинка,
И печалинка нужна.

БЫЛОЕ

Не старайся, дорогая,
Забыть, чего забыть нельзя, —
Не любя, не сберегая
Теперь. Своим путём скользя,

А затеплится былое
В душе твоей, свечой одной,
У чужого аналоя...
Напев родной — слетит к родной.

БАРБОСКЕ

Лай, Барбоска, лай !
Полюбил я очень
Твой далёкий лай
Над землёю отчей.

Вой, Барбоска, вой !
Мне сегодня нужен
Твой тревожный вой,
Как костёр от стужи.

Заворчи, Барбос !
Может в этом колке,
В полночь, на мороз,
Ждут кого-то волки.

ЗАРНИЦЫ

Дорогая! Играют зарницы.
Под неслышных огней перелёт,
Полистаем былого страницы,
Потревожим судьбы переплёт.

Полюбил я тебя, что зарницу.
И, счастливый, взаимность твою,
Помолясь, положил на божницу.
Под надёжную руку. В уют.

Огонёчек лампады зарницей
Трепетал. А в ночной тишине,
За окном, нас в тюрьму вереницей
Провели... Я мечтал о жене.

Полыхая в зловещих зарницах —
Дожирала война белену.
В непонятных и стёртых границах, —
Я в другом оказался плену.

Дорогая! Играют зарницы.
Я в тревоге. Я Землю прошел.
Я бывал у Марицы, у Ниццы,
А тебя... А тебя не нашел.

И трепещет в лампаде зарница.
Постарел я. Устал. Одинок.
О тебе, вот, хочу помолиться...
О себе... И — кончать суждено.

***

Разрешите человеку застонать!
На весёлом этом маскараде.
Не смущу я маскированную знать.
И холопов в шутовом наряде.

Я не маска! Я на скопище « существ »
Мимоходом... Странные кривляки!
Прочитали мне преглупый манифест,
И закон: — « Кривляется-де — **всякий!** »

Протестую! Негодую на « закон ».
Пропустите к выходу отсюда!
Не приемлю я ни масок, ни икон!
Я разбойник! Только не Иуда.

СПУТНИК

Не стесняясь, говорю старушке,
(Уж такое дело)
Разродилась, как из пушки!
И, помолодела.

На крестинах, слава вкусным
Пирогам, драчёнам.

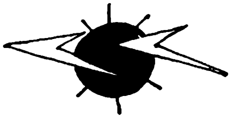
Родился́ младенец шустрым.
И уже учёным.

Человеки в небо прямо
Навостри́ли уши...

Шлёт малютка телеграммы!
Не « Агу-агуши ».

С интервью
Посланец звёздный: —
« Человек! скажите,
Говорят, Вам сын — любезный
Но́вый небожитель?»

Вот и я поверил в строгий
Разум, без опеки, —
Что богов рождают боги —
Богочеловеки.

Покоя нет моей душе.
А как же хочется душе покоя.
Полнощный час — пробил уже...
Зову я Жизнь! А близится другое.

Любимым быть, любить хочу.
И как же хочется любви-зазнобы.
К Тебе святый! К Тебе врачу,
Иду к Тебе!
Отвергнешь?!
Не должно бы...

Покоя нет моей душе.
А как же тянется душа к покою.
И снятся мне: Сибирь... Тайшет...
Столетний кедр... И домик над рекою.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. — О ПРОСТОМ.

2. — ЖАРКИ.

5. — ЗАРНИЦЫ.